

Эдуард Иваненко

Встреча

Иркутск 2012

ВСТРЕЧА

1

Еще мгновение тишины.
В руке баклажка с теплой водкой.
Взлетел флажок – прямой наводкой
Ударил грозный бог войны.
Не оторваться от стены –
В огне не видно промежутка.
Атака! Весело и жутко,
И ощущение новизны.
«Ты плохо помнил первый бой.
Бой был отчаянным и страшным,
И бес, что овладел тобой,
Был молодым и бесшабашным...

Все выше прошлого стена.
Земля устала от вращения.
Ты стал другим - тебе война
Нужна для кровообращения.
Там, в шумном городе, тоска
И сердце бьется зло и редко.
Ствол вороненый у виска -
Не в моде русская рулетка,
И «Стечкин» твой - не револьвер,
Он в сотый раз протерт и смазан.
С войной повенчан офицер,
И путь назад ему заказан.

Перрон, неверная жена,
Вранье и слезы у вагона.
Как скучно... Там, в горах, война
За два трехдневных перегона.
Ты слишком долго воевал,
Ты дома появлялся редко.
Спасибо - добрая соседка,
Теперь ты обо всем узнал.
Смолчал: жену легко понять -
Все ждет. Война уже вторая.
Ты сам ошибся, выбирая,
И здесь уж некому пенять.

Всему на свете есть цена.
Ты жив, здоров и слава Богу.
Бог ей судья. Возьми в дорогу
Лишь то, что требует война.
Оставь обиду и тоску -
Тебе назад не возвратиться.
Там злость, пожалуй, пригодится.
Да ствол, что приставлял к виску».

Он обращался сам к себе
На «ты» - нелепая привычка.
До пальцев догорела спичка.
Он не курил, в его судьбе
Привычек вредных было мало:
Была привычка воевать,
Была привычка убивать.
Была жена. Жены не стало.
В холодном тамбуре темно.
Неясный огонек мерцает.
В вагоне пьют. Никто не знает,
Что им войною суждено.

2

Светает. Блики на стекле.
Пора, такси ждет у подъезда.
Ключи с запиской на столе -
Сегодня день ее отъезда.
Год миновал. Она ждала:
Все образуется, привыкнет,
И может, даже искра вспыхнет.
Нет, выгорело все дотла:
Надежда, любопытство, страсть...
Нет, страсти не было в помине,
Она во всем разобралась.
Она уходит, и отныне
Ее судьба в ее руках.
Его любовь такая пытка.
Их брак - нелепая попытка.
Она витала в облаках:
Боялся перейти на «ты» -
Как трогательно старомоден!

Дарил подарки и цветы.
Умен, тактичен, благороден.

Да! Он был партией отличной!
«Надежный – не заезжий франт.
Спортсмен, красавец, аспирант.
Чего желать ей в жизни личной?»
Пора ей замуж – в двадцать три
Подруги замужем, есть дети.
«Как быстро молодость сгорит,
Как трудно человека встретить.
Послушай маму и отца -
Не посоветуют плохого».
Их разговоры без конца:
«Не встретишь славного такого...»
Пусть будет просто эпизод.
Ошибка. Не ее мужчина.
Она уходит – он поймет,
И только в ней самой причина.
Не полюбила – не смогла.
Жаль, мама очень огорчится.
Пыталась. Целый год ждала,
Но это чудо не случится.

3

Пожар в груди и кровь во рту –
Наверно, легкое задето.
Сейчас он перейдет черту,
Прочертит след его комета,
Сгорит, пробьет земную твердь
На пару черенков лопаты...
Майор спокойно принял смерть,
Не приняли его солдаты.
Они вели тяжелый бой,
Который не был его делом –
Он больше не владел собой.
И только боль владела телом.
Душа неслась в теснинах гор,
Где в прошлой жизни он сражался.
Он слышал лишь: «Держись, майор!»
И из последних сил держался.
Душа закончила полет –

Вернулась в тело новой болью.
Его грузили в вертолет,
И он свыкался с жалкой ролью.
Он стойко боль переносил.
Кто он? Осколок человека!
Еще вчера был полон сил -
Теперь беспомощный калека.
Ранение в бедро и в грудь
Навылет, легкое задето.
«Ты возвратился с того света,
Теперь ты можешь отдохнуть».

4

От мамы каждый день письмо:
«Вернись. Муж ждет тебя и любит».
Жаль, маме не понять одно:
Все решено. Все так и будет.
И этот город над рекой,
Такой уютный и домашний,
Поможет обрести покой,
Забыть поможет день вчерашний.
В работе главное – начать,
Потом уж ей конца не будет.
Теперь ей некогда скучать.
И может быть, она забудет
Нелепый скороспелый шаг.
Здесь притворяться ей не надо,
Здесь успокоится душа,
Уйдут сомненья и досада.
Здесь, в городе над Ангарой,
Где так свободно сердце бьется,
Ей встретится ее герой
И в нем она не ошибется.

5

Он знал тоску госпиталей –
Не в первый раз ему досталось.
Мундир да пара костылей -
Вот все богатство, что осталось.
И твердо знал закон войны:
Он за бортом, в том есть причины –
Там инвалиды не нужны,

Нужны здоровые мужчины.
Вот так. Он больше не герой.
Он больше на войну не рвался.
Он больше не вернется в строй.
Все, навсегда отвоевался.
Солдат, повенчанный с войной,
Ей изменил, сам изменился.
Он с ней развелся, как с женой,
Он от войны освободился.
«Не боль, не раны и не страх
Причина, что ты стал свободен,
Не кровь, пролитая в горах,
А приговор врачей «Не годен»!
Тебе ведь нет и тридцати,
Ты честно послужил Отчизне.
Тебе открыты все пути,
Майор, готовься к штатской жизни».

6

Она решила жить одна.
Пока. И это означало -
Не удалась ей роль «жена»,
Не стоит начинать сначала.
Повестка дня: карьерный рост,
Свой дом, свой бизнес в перспективе.
Ум, возраст, красота в активе.
План ясен и предельно прост.
Она имела свой бутик
Еще в студенческие годы.
Она могла дела вести,
Умела получать доходы.
Могла решение принять,
Лет юных вовсе не стесняясь,
И поощрять и увольнять,
При этом мило улыбаясь.

Она приехала сюда
По приглашению подруги.
Понравится, так навсегда.
Здесь все обдумать на досуге.
Едва вакансию нашла -
Немедленно взялась за дело.

Она подарков не ждала,
Она работала умело.
Хорошенький экономист
В солидной фирме. Знак вопроса...
Всегда возможен компромисс,
По мнению седого босса.
Не для нее. Она ждала.
Сказать точнее - выжидала.
Чтобы вести свои дела,
Ей не хватало капитала.
Наивный босс совсем не знал
Ее стремлений и амбиций.
Он, жертва пагубных традиций,
Ее по службе продвигал.

Она, смеясь над ним в душе,
Порывы шефа оценила,
И, как бывает, протезе
С успехом босса заменила.
Ее энергия и ум
Понравились акционерам.
Не поднимая лишний шум,
Шеф бывший стал пенсионером.
Карьерный взлет. Дела, дела...
Все срочно, очень важно, нервно.
Она героя не ждала.
И где он? Нет его, наверно.

7

Он ходит, он почти здоров.
Он крепок – он из стали кован.
По недогляду докторов
Майор поспешно забракован.
Тем лучше – он и сам решил
Сменить профессию, снять форму.
И жизнь теперь приходит в норму.
А как он бестолково жил!..
И лишь теперь заметил вдруг -
Жизнь может быть совсем иною.
Не потревожена войною,
Она вовсю течет вокруг.
Его друзья со школьных лет

Все обеспеченные люди.
Для них войны как будто нет
И никогда уже не будет.

8

Из суеты рождается ритм,
Ритм жизни точный и стабильный.
Погасит город фонари,
Умолкнет до утра мобильный.
Сигнал будильника – подъем!
И мчишься в муравьином рое.
Когда же думать ей о нем,
Ее единственном герое?

Корпоративный Новый год.
Корпоративное веселье.
Раз в год смешался весь народ,
Демократично хлещут зелье
И неприметный мелкий клерк,
И неприступный завотделом.
Взлетает в небо фейерверк,
Здесь каждый занят важным делом.
И строгий шеф здесь – демократ,
И нижний чин расправил плечи.
Здесь все равны и каждый рад,
Что он попал на этот вечер.

Сюда они обречены
Прийти и встретиться случайно.
Они судьбой обручены,
Но для обоих это тайна.
За ней - поклонников эскорт.
Он, чтобы не хромать, – у стойки.
Ох, этот новый бизнес-спорт -
Корпоративные попойки!
Загадочный театр теней,
Где все пьяны наполовину.
Он трезвый наблюдал за ней,
Смотрел, как смотрят на картину.
И отдавал себе отчет:
«Ищи, майор, кого попроще.
Как ты, такие здесь не в счет».

Что ж, жизнь есть жизнь, и он не ропщет:
Не финансист, не коммерсант,
Не прожигатель беззаботный -
Калека, бывший диверсант,
Теперь обычный безработный.

Сгущались винные пары,
Ее поклонники смелели.
Она терпела до поры -
Пока совсем не надоели.
Все объяснила только раз
С улыбкою, спокойно, внятно.
Хватило пары хлестких фраз,
И сразу стало всем понятно:
Придется схоронить мечту -
Она не их полета птица.
Здесь можно пить и веселиться -
Нельзя переходить черту.

Все вышло просто – чистый джин,
Один наперсток – два глоточка.
И вот мужчина, он один,
Она танцует с ним, и точка!
Из прошлой жизни смутный сон,
Ток электрический под кожей.
Он, на героя не похожий,
Но ей понятно – это он!
Неясный образ, тусклый свет,
Не рассмотреть и не взглядеться,
Но образ из фантазий детства.
Его искала столько лет!

9

«Майор, держи себя в руках!
Ее каприз, нелепый случай,
А ты витаешь в облаках.
Себя надеждою не мучай.
Но может быть, твой звездный час?!
Нет, даже не заговорила...
Одно мгновенье подарила,
И все. Она уйдет сейчас».
Молчал и взгляд не отводил.

Он внешне был совсем спокоен.
Но, опытный умелый воин,
Он просто слов не находил.

Война оставила свой след
Не только шрамами на теле.
По виду вовсе не атлет,
Он столько лет жил на пределе.
Когда носился по горам,
Он стал выносливее зверя.
Там каждый лишний килограмм -
Потенциальная потеря.
Где скал отвесная стена,
Где недостаток кислорода,
Нужна особая порода –
Ее и вывела война.
А этот полутемный зал...
Что здесь выносливость и сила?
Она ни слова не спросила,
И он ни слова не сказал.

Но страсти не нужны слова -
В ней есть алхимия влеченья.
И закружилась голова,
И кровь ускорила течение,
И новый времени отсчет.
Все начинается сначала.
Что в прошлом, то теперь не в счет.
Отходит лодка от причала.
Уносит мощная река
Надежд, ошибок, ожиданий.
В его руке - ее рука.
И исполнение желаний.

10

Парадный китель, ордена...
Так любопытно, необычно.
Она старалась быть тактичной,
Он просто отвечал: война.
И шрамы... Грудь, бедро, спина...
Костыль у вешалки в прихожей.
Теперь понятно: это тоже

Ее Величество Война.
Спал тихо, словно не дыша.
Она оделась, быстро вышла.
Стучали каблучки спеша.
Все глупо и поспешно вышло.
Она не узнает себя,
Как будто снизошло затмение.
Досада, стыд, недоумение –
Вот так внезапно, не любя...
Вдохнуть поглубже и забыть.
Такое впредь не повторится.
Все в Новый год могло присниться.
И просто нужно дальше жить.

Но разве смог бы он уснуть,
Когда в руках его жар-птица?
Он знал – она не возвратится,
Ему жар-птицу не вернуть.
Пусть думает, что он уснул.
Он не хотел ее тревожить –
Неловкость может уничтожить
Их мимолетную весну.
Дверь хлопнула. Пришла зима.
В лицо пахнул тяжелый холод.
«Живи, майор, пока ты молод!
Она решила все сама.
Ты прав. Таков ее каприз.
Обычный элемент веселья.
Ты тоже получил свой приз,
Желаю легкого похмелья!»
Но эта шутка не прошла,
И привкус горечи остался.
Щемяще жаль - она ушла,
И он с надеждою расстался.

11

И Новый год, и Рождество
Оставили еловый запах.
И солнце вновь спешит на запад,
И исчезает волшебство.
Сгорят бенгальские огни,
В сугробах притаятся ели.

И снова праздничные дни
Сменяют долгие недели
Работы, планов, суеты.
А времени все не хватает.
И новогодние мечты,
Как хрупкие снежинки, тают.
Год начался. Удачный старт.
Направлен вверх карьерный вектор.
Она – финансовый директор.
А календарь листает март.
Зима еще на рубеже,
Но дни становятся длиннее.
И что-то происходит с нею –
Сумятица в ее душе.
На что решиться? Что решить?
Во всем сама лишь виновата –
У молчаливого солдата
Осталась часть ее души.

12

Он профессионально ждал.
Он слышал каждый стук в подъезде.
Хотя и знал – не быть им вместе,
И понимал, что опоздал.
«Иссяк адреналин войны,
Сошла на нет готовность к бою,
И вот сомкнулись за тобою
Четыре голые стены.
В том мире, где живет она,
Места все заняты другими.
И если ты не вместе с ними,
Майор, в том лишь твоя вина».
Он тосковал, как дикий зверь,
Попавший в горькую неволю.
Он вовсе не хотел на волю -
Смотрел на запертую дверь,
В которую она ушла,
И ждал: сейчас должно случиться -
Она тихонько постучится
И скажет: «Я к тебе пришла».

13

Ей было плохо без него,
Хотя совсем его не знала.
И все же ясно понимала –
Нет в целом мире никого,
Кто был дороже для нее,
Надежнее, сильнее и ближе.
И может, на войне он выжил,
Чтобы сейчас спасти ее.
Она устала быть одна,
Устала думать о карьере
И ощутила в полной мере,
Что чаша выпита до дна.
Она могла рубить сплеча,
С мужской решимостью и смело.
Но ведь сейчас другое дело.
Что делать и с чего начать?

И что подумал он о ней?
А если у него другая?
Так можно много долгих дней
Жить, мучаясь, предполагая...
Ей нужно побороть свой стресс,
Понять, что с ней сейчас творится -
Биохимический процесс
Когда-то должен прекратиться...
Но эта шутка не прошла.
Бессонница ей повторяла:
Героя своего нашла,
Нашла - и сразу потеряла.

14

Он научился различать
Шаги соседей и прохожих.
Стук каблучков, мороз под кожей,
И он идет ее встречать!
С улыбкой открывает дверь,
Она в прихожую проходит,
И счастье в дом его приходит
И будет в доме жить теперь...
«Но сон не превратится в явь,
И время попусту уходит.

Ну что ж, майор, себя поздравь –
Хотя б во сне она приходит.
Вот знать бы, где ее искать!
Скорей бы стали дни короче,
Тогда зеленая тоска
Исчезнет в липком мраке ночи.
В душе останется зола,
А ты наивно будешь верить,
Держать незапертыми двери...»
И в этот миг она вошла.

15

В их жизни новая глава -
Они одни на целом свете!
Что распускается листва,
Никто из них и не заметил.
Как будто не было весны,
А сразу наступило лето,
И оба так удивлены,
Однажды обнаружив это.

Он понимал - как альпинист,
Идущий вверх, – вершина рядом.
Взойдешь, простор окинешь взглядом -
Путь остается только вниз.
Но не заботило его,
Что будет завтра, – день не прожит...
Так на войне, ведь завтра, может,
Уже не будет ничего.
Конечно, понимал солдат –
Для будущего он не создан.
И незачем гадать по звездам –
Что день послал, тому и рад.
В чем для нее смысл бурных встреч
В квартирке скромной, как казарма?
Смесь любопытства и азарта
И способ так себя развлечь?

Он жил в счастливой полосе,
И пусть она еще продлится.
Но улетит его жар-птица,
Чтобы исчезнуть насовсем.

Отхлынет за волной волна,
Стихает гулкий шум прибоя,
И разом осознают двое,
Что наступает тишина.
И ощущение новизны
Сменилось временем покоя,
И состояние такое
Созвучно песне тишины.
Теперь им незачем спешить.
Земля вращается по кругу.
Им остается лишь решить,
Зачем они нужны друг другу.

16

Как жизнь совместную начать?
Сначала нужно быт устроить.
Квартиру новую достроить,
Потом уж в паспорте печать.
Налаженный армейский быт,
Простой понятный распорядок.
Солдат одет, обут и сыт,
И в жизни ясность и порядок...
Теперь придется привыкать
К комфорту, к жизни без устава.
Он слушал молча и устало
И, видно, не хотел вникать.
Она привыкла убеждать -
Так деловито и солидно.
Она умела побеждать
Для побежденных не обидно.
И власть ума и красоты
Она использовала смело.
И даже с ним не захотела
Спуститься с этой высоты.
Она преподнесла как факт
Все, что за них двоих решила.
Но, несмотря на ум и такт,
Она немного поспешила.
Быть может, он и сам был рад
Все сделать, как она хотела.
Но вот внутри него солдат,
Так тот совсем другое дело:

«Солдат, испытанный свинцом,
Едва мундир свой в шкаф повесил,
Гражданским сразу стал лицом
И в мирной жизни бодр и весел.
Остыла боль заживших ран,
Война уже не возвратится.
Ты - настоящий ветеран,
Тебе ведь скоро стукнет тридцать.
То ни гроша, и вдруг алтын!
Свой дом, жена... Как по заказу.
Ты не останешься один.
Удача! Получил все сразу!»
Но эта шутка не прошла.
Он кулаки сжимал до боли –
Нельзя помимо его воли
Решать их общие дела.

17

Иссякнет летнее тепло,
И не успеешь оглянуться,
Приметы осени вернутся,
А значит, лето истекло.
Сперва снег выпадет в горах.
На склонах пожелтеют листья,
Но скоро эта шуба лисья
Рассыплется и превратится в прах.
Полезно не спеша гулять,
Когда туман ползет к Байкалу,
Спуститься к старому причалу
И над судьбой поразмышлять.
«Ну кем ты можешь быть при ней?
Телохраниателем? Шофером?
Ей все наскучит очень скоро –
Вопрос не месяцев, а дней».
Ее бухгалтерский учет
Был, видимо, не слишком точным.
Их брак навряд ли будет прочным.
Хотя бы приняла в расчет,
Какой она получит приз –
Не счет с приличными нулями.
Ей достается нищий принц,
Еще в придачу с костылями.

Она сама должна понять:
Ее квартира и машина...
«Но ты хоть и ее мужчина,
Не можешь от нее принять,
Пусть у нее в избытке есть,
Такие радужные блага.
Слуга Отечества и флага,
Ты знаешь цену слову «честь»!»
Но эта шутка не прошла -
Не к месту как-то веселиться.
И на себя он начал злиться,
И горечь сердце обожгла.

18

Уже кругом лежат снега.
Теперь ее предназначенье -
Хранительница очага.
Ей невдомек его мученья.
Он не пытался объяснить,
Какие мысли его гложут.
Характеры их очень схожи,
И их легко разъединить.
Они умеют воевать
И могут, вспыхнув в одночасье,
Расплющить в кузнице то счастье,
Которое должны ковать.
Пусть догадается сама.
И доморощенный философ
Молчал, не задавал вопросов
И сам себя сводил с ума.

Но было все наоборот:
Она с тревогой наблюдала,
Как страсть в нем тихо увядала.
Пора поехать на курорт,
Подальше от глухой зимы,
К экватору в морские страны.
Соленую водой омыть
Зарубцевавшиеся раны,
Целебным бризом подышать.
И если только в этом дело,
Когда отступит боль от тела,
То успокоится душа.

Как мирно плещется волна,
 Сверкая отраженным светом.
 Вот только этим дивным летом
 Она любит одна.
 Так просто наломали дров.
 Интеллигентно и спокойно.
 Они вели себя достойно -
 Без ссоры и обидных слов.
 Что он так жестко скажет «нет»,
 Она совсем не ожидала,
 Доказывала, убеждала.
 Пришел на помощь интернет -
 Отель ведь можно поменять.
 Но дело было не в отеле.
 Что же стряслось на самом деле,
 Ей только предстоит понять.
 Но что она потрясена,
 Она не подавала вида.
 Кипела жгучая обида,
 В ушах звенела тишина.
 И так же тихо лег на стол
 Бланк электронного билета.
 Но к рейсу - из морозов в лето -
 В аэропорт он не пришел.
 Уже в полете нервный срыв.
 Эмоции и злые слезы –
 Внизу проклятые морозы
 Благословляют их разрыв...

Косноязычный солдафон!
 Она внезапно захотела
 Схватить скорее телефон
 И все сказать, что накопело.
 Но шепот ласковой волны
 Об одиночестве напомнил
 И новым смыслом вдруг наполнил
 Плеск необъятной тишины.
 Ведь это он – ее герой!
 С ним вместе над землей парили,
 Но о любви не говорили,
 Как будто жизнь была игрой.
 А это - вовсе не игра.

С судьбой нельзя так обращаться.
Скорей в аэропорт! Пора
В родную зиму возвращаться,
С ним объясниться, объяснить,
Как он ей дорог и как нужен.
Его немой упрек заслужен,
Теперь все можно изменить!

20

И он сегодня уезжал.
Темнело – день зимой короткий.
Проплыл за окнами вокзал,
И он открыл бутылку водки.
Он вспомнил прежнюю жену
С ее жестокою наукой,
И ревность заползла гадюкой:
«Ты снова проиграл войну».
Он обращался сам к себе
На «ты» - нелепая привычка.
Уже давно сгорела спичка,
Но он не пил. В его судьбе
Привычек вредных было мало:
Была привычка воевать,
Была привычка убивать.
Была любовь. Любви не стало.
Он уезжает на восток.
Он выпил – вдруг поможет водка.
Там где-то порт Владивосток,
И где-то дальше порт Находка.
«Майор, смири свой глупый нрав.
Еще не поздно возвратиться.
Ты все придумал. Ты не прав.
Поймет тебя твоя жар-птица».
Он тихо погружался в сон,
И в этом сне ее он встретил,
Уже не слыша телефон,
И на звонок он не ответил.

Но все же остается нить,
И чей-то голос ей вещает,
Что абонент не отвечает -
Она должна перезвонить.

5. 11. 2012 года

ВОЗВРАЩЕНИЕ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Взимают дань большие города.
Иллюзии, заветные надежды –
багаж провинциального невежды
сжигает агрессивная среда.
Но тот, же город может дать взамен
тем, кто смышлен, настойчив, знает меру-
образование, знакомства и карьеру –
для многих самый выгодный обмен.
Об этом размышлял один из тех,
кто долгий путь прошел и мог гордиться –
в графе «прописка» значится Столица,
и здесь ему сопутствовал успех!
В уютном интерьере кабинета
с улыбкой вспомнил, как был сам смешон,
когда тащил пожитки на перрон.
Теперь он часто вспоминал то лето...

Семидесятые зажиточные годы
растаяли в мифической дали.
В ту пору «старики» его могли
взять на себя подобные расходы.
Трудились сообща и жили в мире.
Держали скот и пару лошадей.
Семья, в которой шестеро детей –
была вполне обычной для Сибири.
Три старших брата - промысловики.
Все с детских лет в тайге отцу подмога,
а у него была своя дорога –
все это понимали «старики».
Заботились они о младшем сыне.
Гордились - в классе лучший ученик,
все время проводил за чтением книг,
и с детских лет мечтал о медицине.
В семье посоветовались и решили —
в Москву отправить парня поступать
(других не хуже) - счастья испытать!
Тем более там родственники жили.

Сват или кум - они не различали,
да просто рассуждали на селе –
будь хоть седьмой водой на киселе –
в деревне всех приезжих привечали...
Вот день отъезда. Лишь бледнеет небо –
истоплена побеленная печь –
мать спозаранку начинала печь –
семья большая - нужно много хлеба.
День суетливый выдался и жаркий.
Родительский наказ последний дан.
Пушнину погрузили в чемодан
и в пять мешков - таежные подарки.
По-русски все присели на дорожку.
Мать, сестры плакали и, выйдя на крыльцо,
стыдясь, от братьев отвернув лицо,
о щеки тер он мокрую ладошку.

Убитый телеграммой из Сибири,
их родственник с ума чуть не сошел.
Но все, же на вокзал встречать пришел,
Жену, оставив бушевать в квартире.
Навстречу с распростертыми руками
шел юный, здоровенный сибиряк.
Приняв подарки, родственник размяк,
заваленный огромными мешками.
Лежала в необъятном чемодане
заветная мечта его жены.
Она смирилась - оба спасены
и вскоре буря улеглась в стакане.
Подсказывал ей ум практичный женский –
недолго будет родственник гостить.
В столичный «мед» не сможет поступить
какой-то недотепа деревенский...
Так ошибается прогноз погоды
и вместо солнца прогремит гроза.
Он родственницы круглые глаза
с улыбкой вспоминал все эти годы.
Возрадуйся, Сибирская земля!
Он принят - из провинции да в князи!
Не помешали родственные связи
и оченьгодились соболя.

Везение - приятный эпизод.
Судьба капризна и непостоянна.
Есть два пути: трудиться неустанно,
или мечтать, что снова повезет.
Не ожидая милости фортуны
он полностью использовал свой шанс...
Но болью отзывается душа,
лишь память задевает эти струны.
Расчеты оказались неверны -
быть первым в сельской школе
слишком мало.

И знаний для столицы не хватало –
издержки географии страны.
Он очень рано по утрам вставал.
Не захандрил, не сдался и не спился.
Ложился поздно - все зубрил, учился.
С большим трудом, но все, же успевал.
В столичных «медах» сотни чудаков,
стремящихся остаться здесь ретиво.
Но сельский врач - такая перспектива
удел провинциальных пареньков.
Одна надежда - скромная девчушка,
Отцом, которой был его декан.
Ее сразил сибирский великан –
в него влюбилась серая пичужка.
Провинциал оставил в дураках,
как выяснилось, многих претендентов –
таких же неудачников-студентов,
готовых жить с синицею в руках.
Не рассуждая долго, поспешил
стать зятем медицинского светила.
Теперь ему деревня не светила –
он разом все проблемы разрешил.

Легко закончил вуз и стал врачом.
(При тесте не могло и быть иначе.)
Он начал понимать, что связи значат.
Но главное - что стал он москвичом!
И как врачу себе он цену знал –
посредственность, хотя бывают хуже,
зато хорошим был отцом и мужем.
Тесть двигал его вверх и не роптал.

Девиз врача - больному не вредить.
Чтоб практикою зять не занимался
(в квалификации старик не сомневался)
устроил его тесть руководить.
Во время перекройки и раздела
он обнаружил истинный талант –
делец, администратор, коммерсант
все эти годы не сидел без дела.
Был создан при больнице филиал,
где «частники» лечили жертв Венеры,
удачно и не драли шкур без меры –
росток капитализма процветал.
В десятилетие глобальных перемен
в Сибирь поехал с новым интересом
и, очень выгодно занялся лесом,
преуспевающий столичный бизнесмен.
Всех обеспечил. Создал капитал.
Сын выучился - врач - талантом в деда.
Жена - профессор - все его победа.
Добился! Но счастливее не стал.

Брак по расчету (самый крепкий брак)
никак не ограничивал свободы,
но подстерег его закон природы –
под старость он влюбился, как дурак.
Ругал себя - все глупо и старо.
Она его на двадцать лет моложе.
Пытался пить - не помогло, похоже –
все верно – седина - и бес в ребро.
Что в молодости сам не пережил,
как обухом, ударило под старость –
депрессия, сомненья, ревность, ярость –
перечеркнули все, чем дорожил.
И он метался втайне от жены,
не в силах разорваться на две части –
спасти семью или поддаться страсти,
терзаясь осознанием вины.
Все разрешил простой, невольный тест.
Он был уже готов с женой расстаться,
но перспектива без гроша остаться –
ловушка для расчетливых невест.
Сказав: «Семье имущество оставил»,

ее красу и молодость любя,
он предложил избраннице себя.
«Начнем с нуля»... Конечно, он шукавил!
Ответ любимой был предельно прост:
ей очень льстит такое предложение,
ей нравится его телосложение,
пикантность седины, высокий рост.
Но рост, интеллигентность, седину,
(конечно, только в этом и нуждаясь),
она могла б найти, не утруждаясь,
на родине - в Ростове-на-Дону.
Он был забавен, очень мил и щедр.
Но ей нет смысла начинать сначала.
Ей скоро тридцать и она мечтала
извлечь побольше из столичных недр...

И вот теперь с бутылкой коньяка,
закрывшись в полумраке кабинета,
в тиши переживая конец света,
благодарил смекалку мужика.
Ведь главное - он не порвал с женой,
которой до скончания дней обязан.
Он и любим, и сам он к ней привязан.
За ней он как за каменной стеной.
И в полумраке - полупьяный бред.
И от усталости смыкались веки.
И мысли — взять уснуть навеки –
последствие всех пережитых бед.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Москву окутывал тяжелый смог,
свинцовым зонтиком висел под небесами.
Он сам сгорал с окрестными лесами
и больше оставаться здесь не мог.
Сдавило грудь, дышалось тяжело.
Едва держался, хвори не сдаваясь.
Жена его лечила, не вдаваясь,
чем ее мужу сердце обожгло.
Она советовала отдохнуть
на свежем воздухе. Поехать в Сочи,
или в Анапу, или, если хочет,

то может и на родину махнуть.
Решил уехать, бросив все дела.
Пожить с родителями, вспомнить детство.
И просто отдышаться-оглядеться.
Давно уже его Сибирь звала.
Тому трудней, кого судьба шадила
и вдруг под старость начинает бить.
Ту женщину он продолжал любить
и жгучая обида не остыла.
Был предрешен его разрыв с женой -
все тайное когда-то станет явным.
За новый опыт (это было главным)
он заплатил невыносимой ценой.
Все в том же духе. Дальше нагнетая
трагедию, себя он распалял,
но горе с ним никто не разделял,
он начал выпивать, уже взлетая.
И погружаясь в сон под шум турбин,
он принял очень важное решение –
назад уже не будет возвращения.
Свой век он станет доживать один.

В поселке праздник. В их дворе собралась
вся дальняя и ближняя родня.
Гуляли в честь него четыре дня,
пока спиртного вовсе не осталось.
В семье их очень дружной и большой
все, как и прежде - пели, веселились
и щедро новостями с ним делились.
Он отдыхал здесь телом и душой.
Всем подарил подарки. Погостил,
в поселке каждый дом, пройдя по кругу.
Соседи приходили с ним друг к другу -
так за неделю всех он навестил.
Начало осени - прекрасная пора.
Закончены лесные сенокосы.
Все снова собирались на покосы -
в поселок сено вывозить пора.
Отец и братья запрягли коней -
старались не испытывать природу,
и грех им не использовать погоду
еще по-летнему последних теплых дней.

Таежный воздух, чистая вода,
свой огород и молоко коровье -
родителям позволило здоровье
быть бодрыми в преклонные года.
Отец по-прежнему глава семьи,
хотя у братьев бороды седые –
еще бы - ведь они не молодые –
уже и внуки есть у них свои.
А он отвык от сельского труда,
хотя вовсю им помогать старался.
Шутили братья - он не обижался –
он здесь, а остальное - ерунда.
Спал как убитый после трудодня –
весь белый день за братьями тянулся.
Крестьянский мальчик
 будто в нем проснулся
и криками подбадривал коня.
Свозили копна, ставили стога –
наверно, гору переворошили.
Убрать все сено до дождей спешили –
здесь каждая минута дорога.
Он подсушился - сбросил лишний вес.
Труд до мозолей и в костях ломоты
нелегко - поубавилось охоты
пахать весь день и захотелось в лес.
Да, с непривычки он перестарался.
И как бы, часом, гостю из Москвы
с дурной не надорваться головы.
К тому же муж сестры в тайгу собрался.

Река - кормилица. Кормилица - тайга.
Для местных - и рыбалка, и охота –
не развлечение - трудная работа,
ничем не легче, чем метать стога.
Три дня их плоскодонный катерок,
вверх по реке, единственной дороге,
почти что полз, едва беря пороги,
хотя сто верст прошли за этот срок.
Свояк был молчаливым мужиком
с физиономией угрюмо-хмурой.
С нелепой, долговязою фигурой.
Кургузый плащ висел на нем мешком.

И пес его хозяину под стать —
тупой кобель - пародия на лайку,
чуть оживлялся, получая пайку,
любил все остальное время спать.
Конец дороге - вот и зимовье.
Стаскали скарб и растопили печку.
Взяв удочку, он побежал на речку —
в угодьях детство он провел свое.
Знакомый плес, прижим и шивера...
Сдавило сердце - так здесь все знакомо.
Он не забыл, а значит, здесь он - дома.
Как будто все покинул лишь вчера.
Принес под вечер парочку ленков,
да полтора десятка харюзишек —
улов, скорей, для здешних ребятишек,
отнюдь не для солидных мужиков.
Сварил в ведре таежную уху.
Не пожалел ни рыбы, ни картошки.
Добавил специй городских две
ложки и бросил для навара требуху.
Теперь не грех по чарке им налить.
Свояк, ни словом не отметив ужин,
сказал, что рыба ловится все хуже,
а им три бочки нужно насолить.
Очарованье вечера ушло —
для работяги этот вечер - проза.
Успеть бы все закончить до мороза.
Пока что им с погодой повезло.

Работали, встречаясь у костра,
когда уже почти в лесу темнело.
У каждого свое большое дело
и коротка осенняя пора.
Свояк в тайге готовит солонцы.
Гость - ловит рыбу, потрошит и солил
и привыкает к этой новой роли —
живет, как жили деды и отцы.
Жизнь человека можно превратить
в тягучую тяжелую рутину.
Едва под вечер разгибал он спину
и не хотел ни есть, ни говорить.
Все ямки «вычистил» поблизости в реке.

Нет хода рыбы вплоть до листопада.
И значит, выше забираться надо,
брести по берегу со спиннингом в руке.
С ним в лес ходить повадился кобель.
То убегал в тайгу, то плелся следом,
но не мешал, преследуя при этом
какую-то свою собачью цель.
В тот день, на сук повесив карабин,
сквозь заросли черемухи продрался,
уже сойти на берег собирался
вдруг ощутил, что здесь он не один...
Что сытой осенью страшней всего
и этот случай может жизни стоить? –
Хозяина тайги побеспокоить
на трапезе - здесь ягожник его!
Московский гость отлично это знал.
Зверь закрутил башкой подслеповатой
и вздыбился. Но ноги стали ватой –
не двинуться, и предрешен финал.
Зверь рывкнул, развернулся и присел.
Он весь переключился на собаку.
Пес злобно лаял, затевая драку.
Пес знал, что делал - он отвлечь хотел.
Ведь это для него не первый бой –
он со щенков привык к такой работе –
за человека на любой охоте
всегда готов пожертвовать собой.
Москвич забыл про все - про карабин,
про пса, про жизненные передряги –
он драпал, спотыкаясь о коряги,
и у него добавилось седин.
В себя он очень долго приходил.
В свое спасение с трудом поверил.
Под вечер пес пришел и сел у двери.
Он гладил его, слов не находил...
Взошла луна - тяжелый красный круг.
Про жизнь свою все честно, без утайки
в тот вечер рассказал сибирской лайке
и выслушал его надежный друг.

Слетели с гор могучие ветра.
Осыпались осины и березы.

В горах окрепли первые морозы –
настала рыболовная пора.
«Хозяин» лег в берлогу до весны.
Траву украсил утренник белесый.
И рыба плотно заполняла плесы.
И дни до ледостава сочтены.
Набиты бочки. Добыт крупный зверь.
Посыпал снег. Льдом покрывались лужи.
Рукой подать до настоящей стужи.
Все нужно сплавить по реке теперь.
За первый день прошли один порог.
По мелям лодку волоком тащили -
что делать - под завязку нагрузили.
Снег все валил - он вымок и продрог.
В попутном зимовье заночевали.
Москвич закашлял, погружаясь в сон.
От жара бредил - стало ясно - он
самостоятельно поднимется едва ли.
Свяк - двужильный, бессловесный мул,
под утро москвичу помог подняться –
зажмет во льду - нельзя им оставаться
и дальше лодку лишь один тянул.
Гость порывался встать, ему помочь.
Не получалось, но пытался. Злился.
И снова на дно лодки он валился
не в силах лихоманку превозмочь.
Пороги пройдены - спокойная вода.
Не тут-то было - двигатель сломался!
Свяк шестом до дому дотолкался.
Десяток верст для местных - ерунда.

В поселке - телеграммы из Москвы,
парная баня, венички из ели,
перина и подушки на постели,
тепло... и просветленье головы.
Не опозорил свой великий род,
он крепкий, как и вся его порода,
он плоть от плоти своего народа,
один из них... но больше не народ.
Их жизнь, их труд, их повседневный быт-
все для него, как тест на выживание.
Пройдя с трудом такое испытанье,

сейчас он был по горло этим сыт.
Все его тайны - глупая игра.
Никто не знает - значит, не осудит.
Есть жизнь. Есть время - и оно рассудит.
Все! Погостил! Теперь домой пора.
Хотя и грустно было расставаться,
(когда увидит маму и отца?),
и не сойти с родимого крыльца,
но невозможно дольше оставаться.
Он прожил месяц здесь и уезжал.
Родня махала вслед ему руками,
своjak стоял в сторонке с мужиками,
и долго за машиной пес бежал.
Его встречали в аэропорту.
С улыбками - все радовались встрече.
Жену и сына обнимал за плечи,
своим невзгодам, подводя черту.
Он сделал то, о чем мечтал давно —
сбрил бороду и в ванне растянулся.
Каков итог - сбежал или вернулся?
Ему сегодня было все равно.
Он начал, наконец, ценить покой.
Шел бурный дождь и улицы-притоки,
водой, переполняя водостоки,
сливались через край с Москвой-рекой.
Дождь мегаполис утопить решил -
еще чуть-чуть - понадобятся лодки...
Осенний день закончился короткий.
И он спокойно этот день прожил.
Он ничего не сможет изменить.
К утру осенний ливень прекратится.
И он к привычной жизни возвратится.
И эту жизнь научится ценить.

2003

ВЫБОР

Стихи Эдуарда Иваненко - это стихи человека, чей внутренний настрой соответствует природе и ее обитателям: лесорубам, охотникам, старателям и прочим как бы сотоварищам, у которых одиночества больше, чем житейского общения.

Ростислав Филиппов

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

У золота магическая власть -
и в дымном полумраке кочегарки
в горячем воздухе витала страсть,
примешиваясь к запаху сигарки.
Их было двое: кочегар-старик,
и гость - его единственный приятель,
не выехавший в срок на материк,
за зиму прогулявшийся старатель.
Он часто навещает старика -
убрать золу, подбросить уголь в топку
поможет между делом, а пока
спирт разведенный наливает в стопки.
И, не смущаясь разницею лет,
они на ты, наверно, с первой встречи.
Со стороны посмотришь - с внуком дед
за чаркой коротают зимний вечер.
Хозяин сгорблен, сухощав и сед,
нелюбопытен, не полезет в душу.
И в бесконечной череде бесед
сам редко говорил, все больше слушал.
Гость искренен - ему нет смысла врать -
одна судьба - старательская доля.
И не из чего парню выбирать -
когда охота пуще, чем неволя.
Блажен, кто желтый призрак не искал,
знал преимущества домашнего уюта,
и, как поклажу, жизнь свою таскал
до самого последнего приюта.
Старатель же - отчаянный игрок.
Готов довериться слепому фарту.
Любая неудача - не урок -

весной опять поставит все на карту.
Еще не скоро вскроется река.
Двоим от одиночества лекарство -
так думал гость, а в мыслях старика -
расчет другой и тонкое коварство.
Он незаметно парня изучал.
С железной выдержкой и хваткой вора,
подпаивал его и приручал -
все выбирал момент для разговора.
И долгая наука лагерей,
жестокый дух в больном, тщедушном теле,
чутье, сравнимое с чутьем зверей
подсказывали - он почти у цели.

Старатель постепенно опьянел
и жалостью проникся к старику:
«Давно тебя, отец, спросить хотел:
хлебнул ты лиха на своем веку?»
«Не стоит нам былое ворошить,
сам видишь - на покой уже пора.
Тебе не надоело нищим жить,
мотаться - ни кола и ни двора?»
«Привязанным быть к месту не привык,
я вольной жизнью дорожу бродяги...»
«Лукавишь, Паша, - перебил старик, -
Мозолями гордишься работяги.
Честь небольшая - вечно спину гнуть,
зависеть от лотка и от лопаты.
Начальники сумеют обмануть –
не пашут сами — сыты и богаты.
А ты - их раб. Погладили тебя,
потом, как лошади, хомут надели.
Пора работать, парень, на себя.
Поговорим о настоящем деле».
Гость протрезвел, застигнутый врасплох.
Украдкой на соседа оглянулся –
во взгляде старика искал подвох.
В ответ тот добродушно улыбнулся –
спокойный, умудренный человек
смотрел на Пашку с теплотой и лаской.
Испытанный прием - прожженный зек,
матерый волк под простодушной маской.

Хозяин спирт по рюмкам разливал.
От крепкой выпивки опять хмелея,
старатель о судьбе загоревал,
расстроился до слез, себя жалея.
Ослабла воля, притупился ум,
взгляд стал рассеянный и отрешенный,
но, отвлекая от нетрезвых дум,
вещал на ухо голос приглушенный:

«Тебе я, парень, не желаю зла –
сам бесшабашным тоже был, поверь.
Но жизнь сгорит - останется зола -
все, что имею, Паша, я теперь.
Мыл золото, да не разбогател.
В земле копался, как настырный крот.
Перед людьми я честным быть хотел.
А люди те как раз наоборот.
Бог с ними всеми - только он судья.
И мы с тобой предстанем перед ним.
Но жила, о которой знаю я,
принадлежит по праву, нам двоим.
Я это золото в тайге нашел.
Жаль, не по силам дело самому!
Ты, Паша, в добрый час ко мне пришел
поведаю тебе я одному:
В верховьях ключ в ущелии глухом.
Там озеро. Из озера река
выходит неприметным ручейком.
Ты - сильный, ты найдешь наверняка.
Я слишком стар - туда мне не дойти -
нет сил, а молодость не одолжить.
От прииска двести верст всего пути -
и мог бы я безбедно век дожить.
Тебе я верю - ты мне как родной.
Согласен, так ударим по рукам.
Я долго жил надеждою одной -
в нужде Бог не оставит старика».

Довел он Пашку бедного до слез.
Так многие ошибки совершают –
забыл, что трезвые дела всерьез,
с наскока за бутылкой не решают.

Но втайне он мечтал уже давно,
как большинство из нас, о лучшей доле.
И, значит, было брошено зерно
не наугад - во вспаханное поле.
Летели дни, и Пашкин интерес
подогревался с каждым разговором.
Он с нетерпением стремился в лес,
все время посвящал активным сборам.
Уже припасами набит мешок,
их подбирают «хищники» по весу:
горох, крупа, яичный порошок –
все, что полегче им таскать по лесу.
Со скарбом, инструментами, ружьем,
поклажи слишком много для похода,
и лучше было бы идти вдвоем, или,
по крайней мере, в два захода.

Старик, казалось, мысли прочитал –
за компаньоном наблюдал украдкой.
Уверен, что момент как раз настал –
тот болен золотою лихорадкой.
Доходчиво все парню объяснил:
«Ташить скарб несподручно одному.
Сам знаешь — у меня нет больше сил —
я и лоток теперь не подниму.
Идти две ходки тоже смысла нет –
все лето проведешь в пустой гульбе.
Один лишь, Паша, дам тебе совет –
к весне подручного найди себе».
«Ты шутишь! Где я и кого найду?
Кому я здесь довериться смогу?
Тебе известно - только на беду
кого попало брать с собой в тайгу.
С тобой мы говорили о двоих,
а ты перекроил на новый лад -
теперь делить придется на троих.
Я не согласен на такой расклад!»
Старик доволен - этого и ждал -
надежней жадность клятвы и присяги.
Он, молча и спокойно, переждал,
выслушивая ругань работяги:
«И я об этом, Паша, не кричи.

На, выпей, пересохло, чай, во рту.
А для поклажи, Паша, есть бичи.
Ты одного и подбери в порту.
Тащить поклажу веселей вдвоем.
Уйдете скрытно, врозь, по одному.
Назад вернешься ты один с «рыжьем».
Никто не станет плакать по нему...»
«Ты что задумал?! Ты меня спросил?
Я, дядя, рудокоп, а не палач.
Ты не того на дело пригласил...»
Хозяин жестко перебил: «Не плачь.
Ты, парень, вижу, кое-что забыл:
У вас в артели воровал абрек.
Ты, как и все, его приговорил.
Или считаешь, он не человек?
Сам, знаю, приговор не исполнял,
но тоже к делу руку приложил —
бульдозером породу разровнял -
исчез бедняга, будто и не жил».
На Пашкино плечо легла рука.
Старик смотрел в глаза с кривой усмешкой.
И Пашка испугался старика,
почувствовав себя никчемной пешкой.
Злой, немигающий змеиный взгляд,
в худой руке недюжинная сила,
и понял Паша - нет пути назад,
и праведная злость его остыла.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Два «хищника» четыре дня в пути.
Гнус донимает, и разбиты ноги.
И даже Пашке тяжело идти
почти что наугад и без дороги.
Он шел бы от зари и до зари -
к тайге привычный, сильный, терпеливый.
Порода «хищники»-золотари -
народ бывалый и неприхотливый.
Жаль, компаньон породы был другой —
ошибся Пашка — подвела поспешность.
Тот просто оказался под рукой,
и показалась подходящей внешность.

Распили на вокзале по одной,
бессовестный пропойца-доходяга
врал, что таежник и лесной бродяга,
и для него тайга, что дом родной.
Теперь он плелся сзади. Тихо ныл.
Неимоверно быстро утомлялся.
Нести поклажу не хватало сил,
и на привалах, словно труп валялся.
Ему прощалось это до поры,
в сочувствии к его печальной доле -
ведь не изменишь правила игры
и не заменишь игрока на поле.
Не справившись на спуске с рюкзаком,
в очередной раз наземь повалился,
и Пашка угостил бича пинком,
и тот беспрекословно подчинился.
Старатель злость в душе подогревал -
искал своим поступкам объясненья.
Не помогало. Ночью плохо спал.
Не покидали горькие сомненья.
И нервно он сжимал ружье рукой.
От тяжких дум бросало в жар и в холод.
Наверное, для подлости такой
был слишком мягок или слишком молод.

Они осилили нелегкий путь -
когда-нибудь кончается дорога.
У озера решили отдохнуть
и свежей рыбы наловить немного.
Попутчик Пашки - выжатый лимон -
последствия нелегкого похода,
впал в обморок, а, может, в тяжкий сон,
свалившись сразу после перехода.
Осталось в положении таком
примериться к его гусиной шее
да наступить тяжелым сапогом
и надавить на глотку посильнее.
За шиворот струился липкий пот.
И Пашка вспомнил: год назад весною,
в бульдозере вдвоем ушли под лед,
и он не вылез, скрылся под водою.
Но был второй старатель молодец:

нырнул, открыл заклиенные двери.
А вот не прыгнул бы - тогда конец.
Сказал: «Не смог» - никто бы не проверил.
Развел костер, одежду просушил.
Такие вот старательские нравы.
И Пашку на себе пять верст тащил -
не бросил подышать у переправы.
И вопреки заветам старика
(удобнее не подыскать момента)
на спящего не поднялась рука.
В живых оставил Пашка конкурента.
Жар у больного, он в бреду стонал.
Не угадать, как дело обернется.
Для Пашки самый выгодный финал -
что просто беделлага не проснется.

За пару дней старатель отдохнул.
Взвалив рюкзак на ноющую спину,
водораздел с утра перемахнул
и перешел в соседнюю долину.
Там протекает небольшой приток.
Старик задачу изложил понятно:
подняться по нему почти в исток,
клад отыскать и двинуться обратно.
В глухом ущелье, возле голых скал,
тропой звериною прошел он верно –
и вот он старый бункер отыскал,
ровесник революции, наверно.
Не ведал Пашка, сколько долгих лет
секрет хранили строго только двое:
старик, его пославший, да скелет
того, с кем убежал из-под конвоя.
О бункере узнал тот от отца.
Нашел товарища - надежней нет на свете.
Судьба-злодейка - встретил подлнца.
Мечтал с ним о побеге и о лете.
А будущий тщедушный кочегар
в порту был пойман через три недели.
Ему опять наручники надели,
и был в ту пору он совсем не стар...
Прогнили бревна, провалились вниз.
На них золотоносная порода.

Вода подмыла берега карниз,
подтачивая камни год от года.
Здесь наши предки, отыскав металл,
из дерева построили приборы.
В ту пору бы никто из них не стал
тащить железо для работы в горы.
И этот бункер бросили тогда,
когда до дыр протерлись в днище бревна.
И слой за слоем наносила ровно
на них породу талая вода.
Здесь западание - и стоит свеч игра.
И если не спеша в нем покопаться,
промыть - добудешь пуда полтора.
Теперь пора за дело приниматься.
Сначала нужно бункер разобрать,
золотоносные пески собрать лопатой,
скорей промыть и сразу нее удрать
к счастливой жизни, сытой и богатой.
Одно лишь Пашка знал наверняка -
с утра здесь завтра закипит работа.
А что попутчик? Пусть живет пока.
А выживет ли? Не его забота.

Не выздоравливал он и не умирал.
Душа за тощее цеплялась тело.
«Скорей бы, что ли, бог его прибрал», -
старатель думал, уходя на дело.
Со временем он разобрал завал,
работая сноровисто и споро –
теперь он станет добывать металл,
а там и уходить придется скоро.
Не зря несли тяжелый инструмент
и не напрасна дальняя дорога.
И наступает радостный момент –
ликует Пашка - золота здесь много.
Для верности промыл еще лоток.
Собрал со дна желтеющие точки.
Конец работе - золотой песок
защит надежно в прочные мешочки.
Ночь у костра, и завтра - снова в путь.
Примешивалась к радости тревога –
хотелось на попутчика взглянуть.

Харчей ему оставить хоть немного.
«Возьму с собой, не брошу, донесу,
я дотащу во что бы то ни стало...
Получится — когда его спасу —
тогда он донесет, и все пропало?!»
Теперь-то понял Пашка старика.
Тот неспроста ему свой клад доверил.
Он все предугадал наверняка,
и что они друг друга стоят, верил.

«У озера на скользком валуне
попутчик твой обросший, изможденный.
И здесь он, Паша, по твоей вине,
больной, беспомощный и обреченный.
Его приговорили ты и вор.
Один не выживет - не может быть иначе.
И значит, ты исполнил приговор,
теперь иди и радуйся удаче».
Проснулся Пашка, пот холодный стер.
Так голос, стало быть, ему приснился.
Подбросил дров в чуть тлеющий костер.
И, глядя в темноту, перекрестился.
Глаз не сомкнул старатель до утра.
И сердце колотилось, как в атаке.
Подумавав, глядя на восток, - «пора»,
бесшумно растворился в полумраке.
Оставил все: палатку, скарб, еду.
И только вещмешок давил на спину.
Авось господь и отведет беду.
Не даст в глухой тайге бедняге сгинуть.

Три дня спустя в таежном зимовье
(рукой подать до главной магистрали)
старатель думал о житье-бытье,
попутно отдыхая на привале.
Варил горох в походном котелке,
пил крепкий чай, настоянный на чаге,
и снова думал о больном бродяге,
безжалостно им брошенном в тайге.
«Какую пользу он тебе принес?
О ком жалеть - вся жизнь его - помойка,
на ней и сдох бы, как бродячий пес.

Ну, в лучшем случае, в приюте койка».
Как будто Паша слышал старика,
казалось, тот все время где-то рядом,
недаром так похож на паука –
он отравил его своим паучьим ядом.
«Яд медленный - не скоро он убьет.
В душе поселит смертную заразу -
часть паука во мне уже живет,
хотя и проявляется не сразу.
Он копошится, действует, растет,
в моем мозгу сплетая паутину.
И сколько еще времени пройдет,
пока он превратит меня в скотину?»
И оттого, что думал так всерьез,
он вздрогнул и мороз пошел по коже.
«Ты верил, старый шелудивый пес,
что мы с тобой, как близнецы, похожи.
Ты просчитался, делая расчет.
Спасибо за науку - не забуду.
Но, человек я, дядя, а не скот,
и никогда таким, как ты, не буду!»
Он больше не пойдет на поводке.
И будут у него свои расчеты.
Мешок зарыт в надежном тайнике -
со стариком теперь закрыты счеты.
Вернувшись к озеру, он жадно пил,
присев на корточки у берега устало.
Для Пашки было главным - не убил.
И сразу с плеч его гора упала.
Он, наконец, спокойно мог уснуть,
наверное, впервые этим летом.
Им предстоял еще обратный путь.
Но Пашка думал вовсе не об этом...
В верховьях быстро таяли снега.
Плыл по реке старательский лоток.
Разрытые скрывая берега,
Смывал следы стремительный поток.

1999

В ВОЛЧЬЕМ КРУГЕ

Это увлекательная история, вызывающая, однако, не только чувство облегчения, но и глубокую задумчивость о душах всего живого, ведущих свою неслышную беседу. Автор приглашает нас прислушаться друг к другу, попытаться понять друг друга, и это, на мой взгляд, его главная творческая удача.

Леонид Мончинский

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

1

Весна запаздывала. Ветреный апрель
желанной перемены не принес –
в предгорьях Саян мела метель,
усиливался к вечеру мороз.
В преддверии весны ожил родник
единственный, почувствовав тепло,
участок трассы превратил в ледник,
при свете фар блестящий, как стекло.
Два старых друга-промысловика
спустились к лесовозному пути.
Шофер попутного грузовика
их до поселка взялся подвезти.
Уже почти стемнело. Лесовоз,
мотором заглушая стон пурги,
то буксовал, то снова в гору полз,
упорно выбираясь из тайги.
На перевале фары яркий свет,
скользя по кромке ледяной стены,
из мрака вырвал волчий силуэт –
лобастый череп и изгиб спины.
Волк жался к бровке, злобно скалил пасть.
В кабине передернули затвор,
и было невозможно не попасть
в матерого практически в упор.
Мгновенно среагировал стрелок,
как опытный таежный человек.
Во льду остался вмерзшей шерсти клок,
а лужу крови скрыл весенний снег.

Трофей забросили на бревна в лесовоз.
Спешили - становилось холодней.
Шофер своих попутчиков привез
в поселок, где их ждали много дней.

2

Волчицу мучил голод, и всерьез,
хотя она привычна голодать.
Матерый волк добычу не принес.
Ей оставалось терпеливо ждать.
Вполне могла добыть еду сама –
в охоте беспощадна и сильна.
Но миновала долгая зима,
и в логове волчица не одна...
Она лизала с нежностью звериной
слепые морды бестолковых чад.
И было брюхо матери периной,
а волчье молоко едой волчат.
Волчата знали только этот запах,
который детям так понять легко,
и подползали к ней на слабых лапах,
ища соски, где пахло молоком.
Но время шло, и ей нельзя остаться,
на пятерых щенков деля любовь –
чтоб их кормить, она должна питаться.
Нужна для молока чужая кровь.
Принюхиваясь, вышла осторожно
из логова, прорытого под пнем,
которое заметить невозможно
ни лунной ночью и ни белым днем.
Петляя по глубокому распадку,
спустилась к трассе, наледь обошла,
и, волчий след, обнюхав по порядку,
то, что искала, наконец, нашла.
Знакомый запах сразу оборвался.
Она искала зря. Звала его.
Клок шерсти от матерого остался,
и больше не осталось ничего.
Не голод - материнская забота –
такое чувство есть и у зверей,
приказывала - главное - охота,
добыть должна чужую жизнь скорей!

Свернула с трассы. Дальше по проселку.
Метель быть незаметной помогла.
Бесшумно вышла к спящему поселку
и возле дома крайнего легла.
Как одолеть забор, сообразила,
метнулась серой тенью к конуре
и в горло зубы острые вонзила
собаке, мирно спавшей во дворе.
Отчаянно собака завизжала, забилась.
Вспыхнул свет в окне.
Волчица мертвой хваткой зубы сжала.
Исчезла с жертвой в снежной пелене.

3

Зверь перешел границы. Приговор
был однозначен и предельно ясен -
лесной разбойник ловок и хитер,
чрезмерно осторожен и опасен.
Таежники здесь испокон веков
охотничьи угоды берегли
и люто ненавидели волков,
которых истребляли, как могли.
Не дай-то бог такому получить -
разбойницу найти не повезет.
Уже с подростим выводком волчица
в окрестных селах станет резать скот.
Но есть, кому разгадывать загадки -
два старых друга-промысловика.
Известны им все волчьи повадки.
Готовы два походных рюкзака.
На перевале, где разлился ключ,
под выстрел волк попался неслучайно,
и, значит, схоронилась волчья тайна
в распадке у подножья горных круч.
Нашли когда-то логово в округе.
Неписанный закон у них таков:
все волки кружат в сером волчьем круге
и повторяют путь других волков.
Перекурили, завершили сборы.
По темноте отправились вдвоем.
Они ведь с детства знали эти горы
и на заре закончили подъем.

Волчата прижимались тесно к брюху,
она дремала, развалилась во сне.
Но зверь есть зверь - спать не позволит слуху:
вдруг тихий шорох долетел извне.
Прислушиваясь чутко и тревожно,
шагнув из логова бесшумно за сугроб,
волчица осмотрелась осторожно...
Заряд картечи угодил ей в лоб.
Вход в логово по запаху нашли –
укрыт надежно он от лишних глаз –
и стали делать то, за чем пришли,
ножами, разрывая тесный лаз.
Один пошарил в логове рукой,
притихший выводок, отыскивая в нем.
Тем временем костер развел другой
и котелок повесил над огнем.
Матерая и четверо щенков убиты,
и не дрогнула рука.
Искоренили выводок волков
два старых друга-промысловика.
Нет жалости для них - старо, как мир:
плодятся эти хищники в войну.
Нам горе - для волков кровавый пир.
Одна лишь кара - смерть за их вину.
Вот и сейчас - пообнищал народ –
и сразу столько волка развелось,
хоть не война - виновен волчий род –
других-то виноватых не нашлось...
В мешок забросили волчат и шкуру.
У костерка присели отдохнуть.
Что ж, дело сделано - есть время перекуру.
Попили чаю и - в обратный путь.
Встал первый, взял мешок и вниз на лыжах
пошел распадком в сторону реки.
Второй залил костер и вдруг услышал,
что в логове еще скулят щенки.
Встал у чела, прислушался - и верно,
скулил волчонок - слышно одного.
Забился в угол в логове, наверно.
Охотник быстро вытащил его,
но убивать не стал. И непонятно,

что в голову тогда взбрело ему.
Не выспался, быть может. Вероятно,
и сам не объяснит он, почему.
За пазухой щенок клубком свернулся,
чтобы согреться и скорей уснуть.
Вперед ушедший только оглянулся,
пожал плечами и продолжил путь.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

1

Волчонок выжил, и немудрено:
любой бывает в жизни поворот,
но с генами волков ему дано
стремленье выжить и продолжить род.
Кормили из пипетки молоком.
Он спал в корзине около печи.
С ним обращались, как с простым щенком –
их даже внешне трудно отличить.
И только тот, кто знает в этом толк,
мог распознать его наверняка:
собака вырастает из щенка,
но из волчонка вырастает волк!
Хотя и ковылял он еле-еле,
окреп, самостоятельно стал есть.
Волк проявился через три недели.
В их поведении одна привычка есть:
жизнь впроголодь, обычная в природе –
в охоте им везет не всякий раз.
Особенность, присущая породе –
остаток пищи прятать про запас.
Волчонок не являлся исключением,
не доверялся слепо он судьбе:
хозяйке стало истинным мученьем
выискивать запасы по избе.
Настырно упирая свои лапки,
так принято, должно быть, у волков,
он беспощадно разрывал на тряпки
тела добытых им половиков.
И у хозяйки лопнуло терпенье.
К тому же ей в избе не нужен зверь.

Решенье принято - в одно мгновенье
разбойник с треском выставлен за дверь.

2

Волчонка поселили в конуре.
Смущало обстоятельство одно -
хозяйничало лето на дворе,
и было разной живности полно.
Но любопытный, маленький щенок,
гуляя по двору без поводка,
животным причинить вреда не мог -
он до охоты не дорос пока.
Стал зоопарком двор для детворы.
И недостатка в пище волк не знал,
игрушкой, оставаясь до поры,
пока он не опасен был и мал.
Все дети и милы, и хороши.
Мы снисходительны, не думая о том,
что вырастают эти малыши,
и что из них получится потом.
Звереныш очень быстро подрастал.
Разгуливал свободно по двору.
За птичьей мелочью гоняться стал,
но это принимали за игру.
И вот однажды на глазах у всех -
хозяин пригласил в тот день гостей,
он к курице подкрался без помех
и разорвал на несколько частей.
Инстинкт убийства - ведь волчонок сыт,
сказался, наконец, - и вот итог.
Злодей был пойман, беспощадно бит
и к будке прикреплен на поводок.
Волчонок рвался, громко голосил,
пытался будку лапами скрести,
сражался зверь, пока хватало сил,
стремясь свою свободу обрести.
У волка в генах воля - лес да степь.
Но жизнь полна жестоких перемен.
Отнюдь не худшее - попасть на цепь
в цепи людских ошибок и измен.

3

Пропал к волчонку прежний интерес.
Настала осень - школьная пора.
Хозяин уезжал все чаще в лес,
и реже навещала детвора.
Попервости пытался бунтовать,
стал подвывать ночами от тоски,
да не в его силенках разорвать
на шее сыромятные тиски.
Но потихоньку начал привыкать,
из «логова» почти не выходил.
Тем более, что с волком поиграть
теперь уже никто не приходил.
Кормили скот и заодно его –
в хозяйстве бесполезный лишний рот.
Зачем держали зверя, для чего?
В поселке недоумевал народ.
Соседи предлагали отравить –
волчонок по ночам нередко выл.
А кто-то зверовых собак травить –
натаскивать для злобы предложил.
Молчал хозяин. Что теперь гадать?
Но расставаться с волком не спешил.
И чтоб себя хоть как-то оправдать,
затею с травлей испытать решил.
Решил и сделал. Может человек
своих поступков объяснить резон.
Поблекла осень, падал тихий снег.
И начался охотничий сезон.

4

Собаки были злобны и крупны.
Свирепо лаяли и рвались с поводка.
Казалось, сразу разорвать должны
не волка, а по сути лишь щенка.
Не тут-то было, хищник принял бой!
Он огрызался и, крутясь волчком,
не позволял расправиться с собой,
зверя с каждым выдранном клочком.
И эта была первую из драк
(его потом травили день за днем),
но оттащили рвущихся собак

и позабыли вроде бы о нем.
Зверь в схватке не особо пострадал:
собак-то не спускали с поводка.
Он отдышался, раны зализал -
спина и хвост покусаны слегка.
На этот раз волчонок получил
в награду мясо, мозговую кость.
Найденьша хозяин похвалил
за смелость, неуступчивость и злость.
Хотел рукой по холке провести,
но волк неблагодарно зарычал,
и от греха ему пришлось уйти.
Так постепенно дикий зверь дичал.
Охотники отправились в тайгу -
в поселке без охоты не прожить.
Стояла будка-логово в снегу.
Что делать волку? Избу сторожить!
Ворча, хозяйка принесет еду,
чтоб с голодухи по ночам не выл –
не ровен час, накликает беду.
Жаль, усыпить хозяин запретил...

5

Весна в разгаре. Лед сошел с реки,
и талый снег сбежал ручьями с гор.
Друзья - соседи-промысловики
вели за чаркой тихий разговор.
Был позади сезон большой охоты,
промерзшее с полночи зимовье
и полное заботы и работы
нелегкое охотничье житье.
Весенний день безоблачен и ярок.
Есть повод выпить и поговорить:
ведь другу друг принес щенка в подарок.
Что лучше мог охотник подарить?!
Игривый, непоседливый щенок
протиснулся в незапертую дверь
и по двору пустился со всех ног
в ту сторону, где жил угрюмый зверь.
Охотники хватились слишком поздно.
Увидев жертву, волк слегка прилег.
Мгновение. Клыки сверкнули грозно.

Щенка спасти никто уже не мог...
Его бить бесполезно сапогом -
в боях с собаками поднаторел:
он огрызался, бегая кругом.
От этого хозяин сам зверел.

И палкой тоже зверя не убить.
Оружие - оскаленная пасть.
Один лишь способ хищника добыть
и прямо волку в зубы не попасть.
Измотанный, с разбитой головой,
он не сдавался, дикий зверь-боец,
был для него смертельным этот бой.
Хозяин, обессиленный вконец,
вдруг вспомнил про ружье и про картечь.
Оглядываясь, к дому побежал,
чтоб из чехла оружие извлечь.
Второй охотник вытащил кинжал.
Не опасаясь, к будке подошел,
взяв за кольцо, цепь потянул слегка.
Охотник сделал то, за чем пришел,
умелая не дрогнула рука.
Расчетливый короткий взмах ножа,
и перерезанный упал ошейник.
Зверь встал, качаясь, тяжело дыша,
ненужный больше никому отшельник.
Хватило сил преодолеть забор.
Волк хвост, поджав, сутулясь, уходил
в неведомую жизнь, в сосновый бор,
и путь ему никто не преградил...
Друзья молчали. Что тут говорить?
Уж раз случилось, значит, в добрый час!
Мы властны, забирать жизнь и дарить
тем, кто зависим полностью от нас.
Не будет выстрела, хотя ружье в руках.
Дал закурить хозяину сосед.
Волк уходил все дальше на махах.
Они смотрели долго зверю вслед...

1997

ЗАКОН ТАЙГИ

Когда шумит тайга
осеннюю порой,
и лед по берегам,
и пар над Ангарой,
охотники в тайгу
уходят промышлять.
А я вот — не могу.
Осталось вспоминать...

Лет десять назад, по осенней поре,
когда пожелтела листва,
проверили птицы крыло в сентябре,
пожухла на релках трава,
решил я избушку свою подновить.
Построить повыше лабаз.
Брусники набрать и орехов набить -
обычный сибирский припас.
Абрек мой веселый шныряет вокруг.
То скроется где-то в лесу,
то вновь на тропинке появится вдруг,
стряхнет с рыжей шкуры росу.
Покажется мне — не волнуйся, я здесь
и снова в тайгу убежит.
Трава по колено, он вымокнет весь,
но строго меня сторожит.
Идти до избушки почти сорок верст.
До вечера думал дойти.

Тяжелый рюкзак с передышками нес,
раз пять отдыхал на пути.
И в полдень я сделал подольше привал,
развел небольшой костерок.
Абрек мой куда-то в тайгу убежал,
а я, пообедав, прилег.
И вдруг из-за речки доносится лай!
Я встал, взял бинокль и ружье.
Пес лаял по зверю - теперь не зевай!
И сердце забилося мое.
Я начал спускаться распадком к реке -
и тут же услышал: подряд

на том берегу, где-то невдалеке,
два выстрела грохнули в ряд.
Душа оборвалась - неужто Абрек?
Он рыжий, а кто здесь в лесу?
Быть может, и глупый какой человек
вдруг примет его за лису!
И поднял бинокль я дрожащей рукой,
идти нету силы в ногах.
И в этот момент на скале, за рекой,
в огромных ветвистых рогах,
почти до колена склоняясь головой,
встал зверь! Бок окрасила кровь.
Изюбрь, крупный бык, на скале
чуть живой...

Два выстрела грянули вновь...
Что это за люди в угожьях моих?
Я видел, что мажут в упор.
Мне ясно - охотника нет среди них.
Для нас это просто позор,
как будто к чужому залезть в огород!
Я чувствовал - быть здесь беде.
Они - браконьеры, нахальный народ.
Как раз я добрался к воде
и вижу в резиновой лодке двоих.
Уперлись с веревкой в руках,
а рядом, примерно в трех метрах от них,
плыл зверь с бечевою на рогах.
И только копыта скользнули о дно,
рванулся! Нет, был он не мертв!
И два браконьера в мгновение одно
свалились в стремнину за борт.
Желая помочь, я к реке подскочил
и в воду по пояс забрел.
А зверь за собой одного волочил,
другой же под воду ушел.
Он больше не всплыл, знать, его унесло,
а этого я подхватил.
Петля на руке - вот что парня спасло!
Да, зверь им сполна отплатил.
Он вышел на берег, упал в мягкий мох,
всем телом олень задрожал,
глаза помутнели, я понял - издох.

А рядом с ним парень лежал
в намокшей фуфайке, больших сапогах...
Ему б ни за что не спастись.
И только веревкой на синих руках
к рогам приторочена жизнь.
Убийцей и жертвой стал этот олень...
Тут с неба посыпался снег,
и нужно спешить - скоро кончится день,
пора бы устроить ночлег.

Колено разбито, идти он не мог,
я парня на плечи взвалил:
«Все будет в порядке, потерпишь, сынок?» -
Его к зимовью потащил.
И тут я заметил, что в рыжей траве
поднялся мой рыжий Абрек.
Провел я рукой по его голове,
стряхнул со спины мокрый снег.
Знакомой тропой мы пошли к зимовью,
остался один перевал.
Я тихо подбадривал ношу свою,
но парень в ответ лишь стонал.
Я страшно устал, но, зубами скрипя,
я раненого дотащил.
Упал у избушки, надсадно хрипя,
и встать уже не было сил.
Развел я огонь - быстро греется печь,
скопилось в избушке тепло.
И парень уснул. Захотелось прилечь,
да вспомнил: рюкзак, как назло,
я бросил, когда побежал, на тропе.
А там весь мой скарб и припас.
Снег сыплет с дождем, все промокнет теперь.
Придется идти еще раз...
Принес, слава Богу. Почти как во сне,
с трудом я взошел на порог.
И вдруг - словно яростный ток по спине!
И я разогнуться не смог.
Кто сам испытал, как безбожно болит
спина, то меня он поймет.
Сурово схватил меня радикулит -
свое, видно, возраст берет.

Болели суставы, горела спина,
бросало то в холод, то в жар.
И верно - беда не приходит одна.
А был-то, совсем я не стар.
Случайный мой гость мне подняться помог,
хотя сам заметно хромал.
С трудом я разделся, на нары прилег.
Он пить мне поднес и сказал:
«Зовут меня Леха, спасибо, отец,
за то, что от гибели спас.
Когда бы не ты, мне бы верный конец.
А, кстати, где Федя сейчас?»
«Твой друг утонул, я к нему не успел.
Водю его унесло».
Он тяжело вздохнул, тихо рядом присел:
«Выходит, что мне повезло?»
«Ты куришь?» «Курю». «Так махорку бери.
Все, парень, бывает в судьбе.
Ты, брат, успокойся, пойди покури.
Авось, полегчает тебе».
«Раскис, говоришь? Знаешь, Федька - мой брат.
Женат он, и два пацана.
Я вместо него утонуть был бы рад,
вдовой его стала жена».
«Тебе сколько лет?» «Будет двадцать один,
из армии только пришел».
«А ты не женат?» «Сам себе господин»,
«Ты молод, и то хорошо».
Мы выпили оба, он плакал опять.
Свет плошки укутался в тень.
Боль чуть отступила, я стал засыпать
и думал про завтрашний день.
О том, что, возможно, смогу утром встать...
Наверное, я уже спал:
привиделась мне моя старая мать...
И день этот страшный настал.

Проснулся я поздно. В избушке тепло,
и чайник на печке шипит.
Буран прекратился, от солнца светло.
Сосед мой давно уж не спит.
«Проснулся, отец, так вставай, поедим.

Я вот приготовил обед».
Хотел было встать и присесть рядом с ним –
не смог. «Расхворался ты, дед.
Да ладно, поесть я тебе принесу,
а ты мне пока расскажи,
как ты обретаешься в этом лесу
и сколько годов здесь прожил.
Я даже не ведаю, где я сейчас,
ведь житель-то я городской».
Над ним посмеявшись, я начал рассказ,
что дом этот рядом с рекой.
Он слушал внимательно, только кивал
да лишь иногда уточнял,
где будет удобней пройти перевал.
Потом он укутал меня:
«Давай, дед, поспи - и хвороба пройдет».
Я слаб был, клонило ко сну,
не ведал, что будет со мной наперед,
и сразу же крепко уснул.
Очнулся, когда завизжал мой Абрек.
В окно я взглянуть поспешил.
Он лапами скреб липкий, тающий снег.
Его за ошейник тащил
спасенный мной парень с ружьем за спиной
в болотных моих сапогах,
в шинели, под куртку обрезанной мной,
и с толстою палкой в руках.
Я прожил полвека и верил в людей,
хотя и людскую знал грязь.
Я выбил стекло, крикнул: «Леха, не смей!
Не трогай собаку, ты, мразь!»
Но прежде чем он по тропе побежал,
успел он мне вот что сказать:
«Ты лучше бы, дед, на полатях лежал,
тебе все равно помирать.
А вместе с тобой окочурится пес,
и мне, что ли, сдохнуть в тайге?
Сам еле живой, я б тебя не донес».
Он начал спускаться к реке.
Я был потрясен, я не знал, как мне быть.
Во мне снова вспыхнула злость.
Пожалуй, в тот миг я готов был убить –

вот так заплатил мне мой гость.
И стыдно признаться - пробила слеза
впервые за множество лет.
Тряслись мои губы, щипало глаза –
короче, расквасился дед.
За что? Я всю жизнь делал людям добро,
как мог, им в беде помогал.
Богатство ж нажил - в волосах серебро.
За что меня бог покарал?
Но бог - он все видит, его я молил
избавить от боли и мук;
чтоб сжалился и поскорее убил...
Я думал, что брежу: мой слух
подвел меня, видно - мне слышался лай,
Абрек померещился мне,
в разбитом окне - рыжий лающий слайд
в уже умирающем дне.
И я улыбнулся - единственный друг,
и в смерти он верен мне был.
Лизнуло виденье в лицо меня вдруг,
и я в изумленье застыл...
И ожил. Я знаю - меня воскресил
мой верный, надежный Абрек.
Почувствовал сразу прилив свежих сил
отчаявшийся человек.
Идти, чтобы выжить! Любою ценой!
Плевать мне на слабость и боль.
Мой верный помощник был рядом со мной.
Досталась мне жалкая роль –
я, словно слепой, взялся за поводок,
с натугой спустился с крыльца.
И сильный Абрек за собой поволок
почти что уже мертвеца...
Я все передумал и знаю сейчас:
хоть все бы предвидеть я мог,
но все-таки снова его бы я спас,
ему бы я выжить помог.
Ведь так воспитала нас строгая мать:
и самый последний кусок,
сынок, ты голодному должен отдать.
Я твердо запомнил урок.

Вот так и живу, постаревший, больной,
с тяжелою болью в груди.
Абрека два года как нету со мной,
а что там еще впереди?
И стал с той поры я людей избегать,
почти что отшельником стал.
По правде скажу - не приучен я врать -
я верить в людей перестал.
С годами все больше людей на земле,
но мы одиноки в толпе.
Не помним добро и погрязли во зле,
а мне остается теперь
лишь память... Прости и не слушай меня:
жить нужно и нужно любить.
И верить. Не стоит судьбу обвинять
во всем, что пришлось пережить.
И все-таки осень приносит мне боль,
как льдины шуги по реке,
и сыплет на раны жестокою соль.
И там я, душою, в тайге...

1988

ВЕДЬМА

(пьеса-сказка)

АКТ 1

Закат солнца. Дубовый бор.
На поляне собрались ведьмы.

Хор ведьм

Наконец, наше время настало.
У людей старый бор не в чести.
В эту ночь на Ивана Купала
оберег не поможет от нечисти.
Вот уж солнце за гору садится –
здесь назначен для шабаша сбор.
Мышь летучая, черная птица –
это ведьмы слетаются в бор.
Насылаем порчу, мор
в каждый дом, на каждый двор.
Наколдуем и обманем,
и чужое прикарманним.
Молоко свернется,
полотно порвется,
дети заболеют,
куры околеют.
Для людей эта ночь -
древний праздник.
Жгут костры и сплетают венки.
Ночью нечисть смущает и дразнит,
манит в омут глубокой реки.
Легковерные люди гадают,
на всю ночь, покидая свой дом,
в наши сети они попадают.
Поздно каяться будет потом.
Если захромает конь
и сожжет избу огонь,
яблони не расцветают,
пчелы в поле не летают,
мыши расплодятся,
вороны слетятся –
ведьмы трудились.
Всласть порезвились!

*Главная ведьма:
(прерывая песню)*

Веселья сегодня не будет!
Есть дело важнее у нас.
Пусть каждый поймет и рассудит –
решить его нужно сейчас!
Закончится тысячелетие –
одной из нас столько же лет.
И сколько еще нам жалеть ее –
у нечисти жалости нет.
Что толку от старой карги?
У ней помутились мозги.
Она безнадежно стара –
давно помирать ей пора.
Вы знаете, ведьма любая
живет до тех пор всем на зло,
пока не родится другая
и примет ее ремесло.
И нашему племени-роду
использовать нужно каргу.
Боюсь, что испортит породу,
но медлить уже не могу.
Она развалилась совсем.
Она улыбается всем.
Не хочет с постели вставать,
не в силах карга колдовать.

Вторая ведьма:

Я сто лет на нее клык точу.
И сегодня я не промолчу!
Поручили нам свадьбу разладить.
Мы легко бы могли с этим сладить.
Беленой опоить, раззадорить,
жениха и невесту поссорить.
Бузиною коней накормить,
одурманить гостей, разозлить.
Только старая, видно, с мороза
перепутала все от склероза.
Опоила меня беленой,
не кормила коней бузиной.
Подарила невесте кольцо,
посыпала деньгами крыльцо.

И, испортив простейшее дело,
разомлела и захрапела.

Главная ведьма:

Разбудите ее. Приведите ее.
На ноги поставьте, на шабаш доставьте!

Ведут старую ведьму

Старая ведьма:

Давно дрожит моя рука,
и в ней не держится клюка,
и обломилось полклыка,
но я дышу ишшо пока.
Где я?

Хор ведьм:

В бору!

Старая ведьма:

Никак не помру?

Хор ведьм:

Глухая совсем!

Старая ведьма:

Кого нонче съем?

Хор ведьм:

Должна ты родить!

Старая ведьма:

Кого наградить?

Хор ведьм:

Безнадежна! Безнадежна!
Ждать уж больше невозможно!
Превратим ее в ворону.
Ворон, прилетай на крону.
Там в ветвях твоя невеста,
там на дубе ваше место.

Там гнездо свито.
На ведьминой свадьбе,
мы - ваша свита,
а ведьма - ворона.
Вот невестина корона!
Вот жениха кольцо!
Снеси, ворона, яйцо!
Пока солнце не взошло,
и пока во власти зло,
петухи, не пойте,
не беспокойте
невесту и жениха!
Лишим голоса петуха!
Лишь заря занялась.
Ведьма родилась! Ведьма родилась!
Ведьма родилась! Ведьма родилась!

Над колыбелью новорожденной ведьмы. Колыбельная
(ведьмы поют по очереди).
Здесь в лесной глуши
спи, дитя, в тиши
и учи урок.
Скоро подрастешь,
горе принесешь
людям на порог.
Оброни в углу
тонкую иглу –
на ней заговор.
Повтори точь-в-точь,
и однажды в ночь
в дом залезет вор.
Сторонись ольхи, берегись креста.
Хитрой вырастай.
Людям зла желай,
порчу насылай,
маяту и сглаз.
В хлев к ним загляни.
Мышкой проскользни
в самый узкий лаз.
И скота падеж
ты им принесешь
с колдовским питьем.

Вот наш приговор –
всюду смерть и мор
щедро раздаем.
Сторонись ольхи, берегись креста.
Злою вырастай.
Серых жаб и змей
разводить сумей
и заставь служить.
Если кто влюблен –
будет проклят он,
и ему не жить!
Заходи в дома
и своди с ума
девок и парней.
Душу отрави
и не дай любви
поселиться в ней.
Сторонись ольхи, берегись креста.
Подлой вырастай.
Знай и приворот.
Около ворот
ты подложишь нож.
Кто его найдет –
за тобой пойдет,
только позовешь.
Станет он ручным,
к заводям речным
парня замани.
В омуте лихом,
темном и глухом
он закончит дни.
Сторонись ольхи, берегись креста.
Ведьмой вырастай!

Хором:

Тебе - наша сила!
Тебе - наша власть!
Чтоб буря бесилась,
пожар горел всласть,
вода разливалась,
смывала дома.

Чтоб ведьма смеялась,
сводила с ума.
Твоя красота всеильна!
Любовь против чар бессильна.
И тех, кто тебя полюбит,
твоя красота погубит.
(За время колыбельной ведьма вырастает.)

Молодая ведьма:

Скажите, в чем же виноваты люди?
И почему никто людей не любит?
Наверное, один лишь раз увидеть
достаточно, чтоб их возненавидеть.
Я знаю, как им навредить.
Я знаю, как их погубить.
Полна я колдовских идей,
но я не видела людей.
Скажите, на кого они похожи?
Я их, наверное, любить не буду тоже.
И что такого люди натворили,
что вы к несчастьям их приговорили?
Я знаю, как им навредить.
Я знаю, как их погубить.
Полна я колдовских идей,
но я не видела людей.
Скажите, почему не помириться?
А может быть, с людьми договориться?
Я тайны колдовства от вас узнала.
О людях же я знаю слишком мало.
Я знаю, как им навредить.
Я знаю, как их погубить.
Полна я колдовских идей,
но я не видела людей.

Ведьмы
(хором)

Проклятые бабкины гены!
Мы так доживем до измены!
Придется повторить урок.
Она имеет свое мнение.

И в голове ее сомнение.
А скоро испытанья срок!
Приготовим отвар
из сушеных змей
и дадим напиться.
Ядовитый пар
пусть поможет ей
в ведьму обратиться.
Пора тебе братья за дело.
Возиться с тобой надоело,
а скоро испытанья срок!
Запомни, враги наши - люди.
Так было, так есть и так будет.
Придется повторить урок.
Приготовим отвар
из сушеных змей
и дадим напиться.
Ядовитый пар
пусть поможет ей
в ведьму превратиться.

(После колдовского обряда Главная ведьма приказывает)

Покажи, на что ты способна,
приворотную песню спой.
Я тебе объяснила подробно,
как увлечь парней за собой.
Обернись красавицей
и сумей понравиться.
За собой помани,
погуби, обмани.

Молодая ведьма (выходит вперед и поет)

Посмотри - звезда упала.
Это верная примета,
на Ивана на Купала,
что счастливым будет лето.
Ты сомкни свои ресницы,
загадай скорей желанье,
пропоют ночные птицы
песню робкого признанья.

Взлетают искры от костра,
а звезды падают на землю.
Я чувствую - пришла пора,
и я судьбу свою приемлю.
Ты, в реку брошенный венок,
плыви, найди мою отраду,
когда роса у босых ног
расстелет поутру прохладу.
Этой ночью хороводы,
и надежды, и гаданья.
Станут медленные воды
исполнять мои желанья.
Ты поймешь меня. Я знаю!
Спят ромашки полевые.
Нет! Я больше не гадаю
и скажу тебе впервые.
Взлетают искры от костра,
а звезды падают на землю.
Я чувствую - пришла пора,
и я судьбу свою приемлю.
Возьми, любимый, мой венок.
Храни бесценную награду,
когда роса у босых ног
расстелет поутру прохладу.

(Одобрительные возгласы ведьм.) Главная ведьма:

Закончим разговор пустой.
Людей не видели лет сто.
Все сами прохлаждались.
О деле не радели.
Людей мы проглядели.
Они все нарождались.
Найдет коса на камень!
Экзамен! Экзамен! Экзамен!
Скорей готовьте ей метлу.
Пускай она летит к селу.
На месте разберется.
И не пройдет недели –
все будем мы при деле,
людская кровь польется.

Найдет коса на камень!
Экзамен! Экзамен! Экзамен!

Ведьмы:
Экзамен! Экзамен! Экзамен!

АКТ 2

Молодая ведьма попадает в ночь на Ивана Купалу к людям.

Но ее представление о них, основанное на уроках ведьм, устарело,
так как ведьмы не появлялись среди людей сто лет.
Манеры и одежда ведьмы вызывают недоумение, а потом и издевки.

Идут обыкновенные танцы. Звучит оглушающая роковая вещь.

Песня рок-группы:

Весь день я хожу, как чумной,
и воздуха мне не хватает.
Твой образ повсюду со мной.
И к ночи мираж не растает.
Я вижу горящий закат.
Я жажду во тьме раствориться,
но ночь тяжелее стократ,
и мука моя повторится.

Притяжение луны.
Отблеск ночи колдовской.
Ты в мои приходишь сны.
Ты смеешься надо мной.
Ведьма! Отпусти, молю.
Проклинаю, но люблю.

Последние силы уйдут
в отчаянном сопротивлении.
Наверное, нервы сдадут
опять при твоём появлении.
И это со смертью игра –
я ей не хочу покориться.

Пусть жаркое пламя костра
в ночи над тобой разгорится.

Притяжение луны.
Отблеск ночи колдовской.
Ты в мои приходишь сны.
Ты смеешься надо мной.
Ведьма! Отпусти, молю.
Проклинаю и люблю.

Ведьма:
(в русской национальной одежде, с венком на голове,
венки немного набекрень)
Все ясно мне - люди, такие, как мы.
У них только шабаш погромче.
И музыка им будоражит умы.
Теперь их понять будет проще.
Их жизнь - это ведьмины пляски,
А лица - безумные маски.
Не стану от них отставать –
Я тоже могу танцевать!
Вот курят они и вдыхают дурман.
Так ведьмы гадают по дыму.
Вот что-то опять наливают в стакан
И разом стаканы подымут.
Они упиваются зельем,
они одержимы бездельем.
Не стану от них отставать –
Я тоже могу колдовать.

(Подходит к группе парней, явно кокетничая.)
Парни набивают папиросы анашой. Курят.
В зале вообще дымно.

Первый:

Быть может, выпьете, принцесса?
Вино поможет Вам от стресса.
Вы так отстали от прогресса,
покиньте Ваши небеса.

Второй:

У нас без шика - по-простому.
Не будем спорить по-пустому,
и мне, сегодня холостому,
приятны Ваши чудеса.

Третий

Как вызывающе одета.
Наверно, это мода лета.
Я, кажется, Вас видел где-то –
у Вас отличная коса.

Первый
(берет за руку, обнимает)

Давайте объединимся.
Давайте уединимся.
Что предпочтет, Ваша, душа?
Есть кокаин, есть анаша.
Здесь все, о чем мечтаю.
Я с, Вами, летаю.

Ведьма:

Вы летаете? Где же метла?
Я теперь, наконец, поняла -
Вы - ведьмак, Вы - нечистая сила.
Ваша помощь мне очень нужна.
Я впервые здесь, я здесь одна.
И, признаться, я все позабыла.
Закружилась моя голова.
Я хочу отдышаться сперва.
Этот дым меня просто дурманит.
Я на все этой ночью решусь,
только можно - сперва отдышусь.
Едкий дым мне сознание туманит.

Первый парень:

Девочка в полете.
Ну, что со мной идете?

Я с вами поделюсь.
Она такая дура.
Зато у ней фигура,
что далее я дивлюсь.

Парни
(вместе)

Бедняжка надышалась.
Тошнит - какая жалость.
Поможем ей скорей.
Хорошенькая стерва.
По жребию, кто первый?
Проводим до дверей!
(Тащат ее к выходу, смеются.)

К ним подходит молодой человек, наблюдавший всю сцену,
берет девушку за руку. Его физическое превосходство очевидно.
Парни трусят.

Молодой человек:

Все, ребята, порезвились.
Вы пошли бы... освежились.
Вам пора домой.
Она пойдет со мной.
Побеседовать приятно.
В общем, если все понятно -
вам пора домой.
Она пойдет со мной.

(Делает шаг вперед, парни удирают,
девушка валится ему на руки.
Он ее выводит на улицу.)

Вам не холодно?
Вы устали?
Очень душно, накурено в зале.
И Вам там не место.
Вы одеты, как невеста.

Что, от жениха сбежали?
Ночью сумасшедший город
безудержно веселится.
Может, лучше возвратиться,
Вас, наверно, ждут.
Только расстегните ворот.
Глубже поскорей вдохните
и немного отдохните,
здесь, Вас, не найдут.
От кого, Вы, хотите скрыться?
Вы, не можете возвратиться?
Вы, - актриса кино?
Впрочем, мне все равно.
Мне ведь тоже не спится.
И рассвет наступит скоро.
Я, Вас, провожу, хотите?
Почему же, Вы, молчите,
я, Вам, надоел?
Ночью так опасен город.
В нем нетрудно заблудиться,
может всякое случиться.
Я помочь хотел.

Ведьма:

Не спрашивайте, не отвечу.
Я должна идти.
Жаль, если больше не встречу
Вас на своем пути.
Я ждать не могу рассвета.
Я вижу полоску света -
недолго уже до утра,
и мне возвращаться пора.

Молодой человек:

Я завтра сюда приду.
Я, Вас, все равно найду.
Скажите, в чем Ваша тайна?
Мы встретились неслучайно!

Ведьма исчезает. Появляется в кругу ведьм. Главная

ведьма:

Значит, он пошел за тобой?
За такой пошел бы любой!
Мужчины так примитивны,
о них даже думать противно.
Ты дашь ему зелье сама, -
сведет его зелье с ума!
Наша взяла!
Жажду я зла,
новых побед,
горя и бед.
Вы пойдете рука к руке.
Ты заманишь его к реке.
Все ведьмы слетятся туда.
Безумца проглотит вода.
Как только расправимся с ним -
ты сразу лети за другим.
Наша взяла!
Жажду я зла,
новых побед,
горя и бед.
(Подталкивает молодую ведьму на место, где она
рассталась с юношей.)
Ведьмы уходят, повторяя: Наша взяла...

Ведьма:

Главная ведьма довольна.
И я должна быть рада.
Но в груди кольнуло больно:
кто-то шепчет мне - не надо.
Не губи его, не губи.
Полюби его, полюби.
Может, ангел его хранитель
моих мыслей теперь повелитель.
Я не знала слово - любовь,
но твержу его вновь и вновь...
Хватит об этом, довольно...
Думать так невыносимо.
Но губы шепчут невольно

«может, я тоже любима».
Хоть об этом он сам не сказал,
все его рассказали глаза.
Я не знаю, как мне поступить.
Я не в силах его погубить.
Нет сил колдовство разрушить.
Не могу злую волю нарушить.

Входит молодой человек

Я знал -
Вы, не можете не прийти.
Я долго ждал -
и вот пересеклись наши пути.
Я, Вас, искал
так много лет,
и в эту ночь не спал -
Вас, вновь хотел увидеть.
Откройте свой секрет:
Вы - ангел, Вы - мечта?

Ведьма:

Нет! Я совсем не та,
кого хотели, Вы, увидеть.
Меня узнали, Вы,
чтобы возненавидеть!
Вот уже на исходе век.
Я пришла нанести удар.
Нет, я - не человек.
Я - ведьма. Я - ночной кошмар.
Мои пальцы - когти.
Мои косы в дегте.
Мои зубы - клыки,
а улыбка - оскал.
Это все, ты, искал?!
И в глазах моих отражение -
перевернутое изображение.
Я слабею, теряю силы.
Я призналась во всем тебе, милый.
Ведьмы силою колдовства
меня хотят извести -

я нарушила клятву родства.
Я любила тебя... прости...

(Падает, он подхватывает ведьму.)
Молодой человек:

Что с ней? Кто она?
Что она говорила?
Я пьян без вина.
И смущает нечистая сила.
Я не верю. Ведьм нет.
Она просто больна.
Мне поможет мой дед
с бородою из льна.
Он мудрейший из всех человек.
Он прожил на земле целый век.
Он избавит ее от мук.
Нет, не ведьма она!.. А вдруг?

(Несет ведьму на руках к дому старика.)
Седой человек встречает его на пороге.

Старик:

Что ты делаешь?
Это змея подколодная –
ведьма голодная.
Кол осиновый выстругал я.
Вот постель ей - могила холодная.
Я почувствовал ведьму давно.
Мы должны быть с тобой заодно.
Нет! Ее не удержит могила –
в этой ведьме огромная сила!
Придется колдунью сжечь!
Иначе тебя не сберечь.

Молодой человек: Я люблю ее!

Старик: Это колдовство!

Молодой человек: Я люблю ее.

Старик: Злое волшебство.

Молодой человек: Я люблю ее!

Старик: Ведьмин заговор!

Молодой человек: Я люблю ее!

Старик: Разжигай костер!

Молодой человек: Я люблю ее.

Старик: Ей в костре гореть!

Молодой человек: Я люблю ее.

Старик: Хочешь умереть?!

Молодой человек: Я люблю ее.

Старик: Дай же свой ответ – ты, сожжешь ее?!

Молодой человек: Нет!

Старик:

Ты можешь ее спасти.
Ты должен поверить мне.
Чтобы душу ей обрести,
пройдя очищение в огне,
она должна добровольно
в полночь взойти на костер...
Тебя испытал я, довольно –
на этом закончим спор.

Ведьма
(очнулась, слабым голосом)
Не бойся, милый.
Огонь ласковый, как котенок,
с которым играет ребенок.
Языками своими
он мне руки оближет.

Подойди ко мне ближе.
Я знаю, милый.
Ненадолго мы разлучимся.
Легким ветром над полем промчимся.
Обязательно, милый,
мы встретимся снова.
Нам пора... я готова.

(Ведьма восходит на костер.)

Старик:

Гори, змеиная кожа,
как лыковая рогожа.
Дрова ольховые
да мхи пуховые,
ведьму сожгите,
душу верните.
Поднимайся, дымокур.
Чур, нечистая сила, чур!

Молодой человек поджигает костер.
Огонь разгорается.

Молодой человек:
Нет! Этого не может быть.
Зачем мне жить?! Зачем мне жить?!
Как жалок запоздалый плач.
Я - палач! Я - палач!
Вернулись древние века.
Безжалостна моя рука.
Позволил себя обмануть.
Ее не вернуть! Ее не вернуть!
Что я творю? Я с ней сгорю!

Бросается в огонь. Раздается гром.
Начинается ливень. Костер гаснет.
Гаснет свет на сцене.
Свет зажигается. В парке на лужайке молодая пара.

Девушка (встает, потягивается)

Мой сон был легким и спокойным.
Наверно, мы гулять устали.
И чуть до ночи не проспали.
Но, милый, что с тобой?
Ты выглядишь обеспокоенным.

Юноша:
Ты знаешь, снилась чертовщина...

Девушка:

Ты - впечатлительный мужчина.
Я рядом, дорогой!

Он: Значит, пора?

Она: Значит, пора!

Он: Опять до утра?

Она: Опять до утра
зубрить, считать, чертить.

Он: Черти-тить?

Она: Хватить шутить!

Он: Значит, пора?

Она: Значит, пора!

Он: Опять до утра?

Она: Опять до утра.
Зубрить, считать Чертить.

Он: Любить!

Она: А что? И любить!

Уходят, смеются.

Занавес

1997

ШУТКИ РАДИ

(Любям серьезным и детям не читать!)

СКАЗКА БАБУШКИ ЕВДОХИ

В далекой славной старине,
в нижегородской стороне
жил мужичок один простой,
немолодой, но холостой.
И сохранилась о нем быль:
отличный мастер, тот бобыль
был на все руки молодец -
и плотник, столяр, и кузнец.
В работе весел он и спор.
Легко стучал его топор.
Любой хозяин был бы рад
дать мужичку тому подряд.
Амбар построить, печь сложить –
Егор бы мог безбедно жить,
но до ядреных, спелых
баб негодник был изрядно слаб.
Он сам - почти сажень в плечах,
неутоленный блеск в очах,
окладистая борода –
для полу женского беда.
За множество таких обид
изрядно смолоду был бит.
Но он с годами матерел
и в этом деле наторел.
Он нанимался задарма
к мужьям работником в дома.
Свой труд Егор сполна вершил
и тайно с женами грешил.
Раз, два хозяина-купца
нанять решили молодца.
Один - Прокоп, лет сорока.
Жена дородна, высока.
Прокоп ленив и мягкотел –
он громко по ночам храпел.
Другой - Степан.

Хоть молодой, да хлипкий,
с куцей бородой.
А на Настену погляди!
Трещала кофта на груди,
и щеки видно со спины,
а ж... юбка страшной ширины!
К ним подрядился наш Егор.
Когда вершили договор,
подумал он: «Вот это кус!
Обои бабы на мой кус!»
«Согласный я, бьем по рукам!»
(«Эх, повезло же дуракам!»)
Купцы тут ставят штоф вина –
удачная для них цена.
Стал строить им Егор амбар.
А у Матрены с Настей жар!
С собой не могут совладать.
Он не заставил долго ждать.
Одна в субботу, в поздний час,
Матрена в баню собралась.
Едва разделась - тут Егор.
Стучит, затеял разговор:
«Пусти меня, а то помру.
Матрена! Спинку дай потру!»
У той не камень, чай, в груди.
Открыла двери - мол, войди.
Степан товар купить решил,
на ярмарку с утра спешил.
«Ты, Настя, дома не сиди,
а за работой пригляди».
Зарделась та как маков цвет –
«Я пригляжу», - ему в ответ.
Едва муж съехал со двора,
настала Настина пора.
Егор до дела сущий зверь!
Довольны бабоньки теперь.
И все сошло бы гладко с рук,
когда б не зависть злых подруг.
Матрена с Настей - в горле кость.
Завистниц разбирает злость.
Так поползла тайком молва.
О ней Прокоп узнал сперва.

Да только не спешил пока –
решил прознать наверняка.
О той молве Степан узнал,
но тоже сразу промолчал.
И каждый начал тут гадать,
как это дело разгадать.
За женами давай следить,
за ними втихаря ходить,
то вдруг внезапно приезжать.
Начал Егор соображать,
что дело это неспроста.
Как дальше быть, кумекать стал.
Был у него в друзьях дьячок.
По виду - просто дурачок.
Ну а нальешь стакан вина -
он станет суший сатана,
весьма злокознен и хитер.
Так вот к нему пришел Егор.
Дьячок вкусил чуток винца
и утешает молодца:
«Да твое горе не беда,
а так - пустяк и ерунда.
Пока не выгнали взашей,
трудись спокойно у мужей.
Тебя от бойни я спасу
и это дело утрясу».
Дьячок, употребив винцо,
пошел к Прокопу на крыльцо.
«Я слышал, недалече здесь
неблагодарный грешник есть.
Тот грешник в ночь на сеновал
жену чужую нонче звал.
Вот если б муж ее узнал,
ужо б он вора наказал –
взял поувесистей дубину
да изломал нахалу спину!»
Посеяв смуту, наш дьячок
бежит к Степану на порог
и тоже делает намек.
Мужьям обоим невдомек,
что про хозяйский сеновал
безбожный пьяница наврал!

Чтоб сор с избы не выносить,
решили самосуд вершить.
Прокоп в подворье толстый кол
из дуба крепкого нашел.
Степан безмен снял со стены,
чтоб съездить татю вдоль спины.
И как стемнело через двор
на сеновал, где спал Егор,
пылая гневом, подались.
И в темноте они сошлись!
Смертельный завязался бой,
И каждый метил на убой,
сильней обидчика огреть.
И оба начали звереть.
Они кусались и щипались,
как жеребцы, купцы лягались.
Страшны ревнивцы-мужички!
Летели из бород клочки,
трещали ребра и лопатки,
разбиты в кровь давно сопатки,
а бою не было конца.
И так сражались два купца,
друг друга матом поносили,
покуда ноги их носили.
Глядят - победы не видать!
Решили оба деру дать.
За полночь только до постели
они добрались еле-еле.
И к удивленью - вот те на! –
в постели мирно спит жена!
Откуда? Что за чертовщина?!
Тут их совсем взяла кручина.
Матрена с Настей осмелели
и разом в голос заревели.
Егор, собравшись в два счета,
ретировался без расчета.
Купцы поправились,
ожили и дальше жили - не тужили.
«Такая сказка, без подвоха», -
сказала старая Евдоха, -
«Вы не давайте волю злости –
целее будут ваши кости!»

1988

ФОРМУЛА

огонь

Негасимая, вечная тайна огня –
может пламя обжечь, может пламя согреть.
И влечет и манит эта тайна меня
и огню моему не дает догореть.
Что еще не сгорело в пожарах страстей,
не истлело в рутине житейских невзгод,
не остыло от холода злых новостей,
пусть горит, и угаснуть огню не дает.
Но огонь, где бесшумно сгорают листы,
где надежды мгновенно сгорают дотла
и огонь, что за мною сжигает мосты,
пусть погаснет, развеется ветром зола.
2002

ФОРМУЛА

Шар летит вокруг солнца. Вращается
с каждым годом быстрее и быстрее.
Больше формула не упрощается
неустроенной жизни моей:
и проблемы за скобки не вынести,
неудачи не сократить.
Из трясины житейской не вылезти.
И за прошлое нужно платить.
Переменные окаянные
из случайных ненужных людей,
превращаются в постоянные,
заменяя надежных друзей.
Что не может присниться в кошмарном сне
приключается наяву.
И с ума бы сойти по ее вине,
да по формуле не живу!
Все, несправедно мной сокращенные,
никого и ни в чем. не вина,
возвращаются, мною прощенные,
слава богу, прощая меня.
2000

ОХОТА

«Тигр» удобно прижался к плечу.
Зверь в прицеле. Сжимаю цевье.
Вместе с пулей сейчас полечу.
Гулко бухает сердце мое.
Не дышу. Палец, чувствуя сталь,
нежно гладит ее, как дитя.
Зверь на гребне, сбегающем вдаль.
Двести метров - достану шутя.
Вот он - гордый красавец олень.
Он беспечен - не чует беды.
В гору лез я за ним целый день,
на снегу разбирая следы.
Миг - и кровью окрасит снега.
Кувыркаясь, слетит с высоты.
Мне трофей - в шесть отростков рога,
как остатки былой красоты...
Я рассматривал зверя в прицел.
Любовался. Стрелять не спешил.
В этот раз он останется цел –
«обойдусь без трофея» - решил.
2000

БАЛЛАДА О МОСТЕ

Над исковерканной тайгой
струился дым, визжали пилы.
И люди дикою гурьбой
крушили лес, что было силы.
Летели с сопок вниз стволы,
хоть лес в водоохранной зоне.
Но эти алчные козлы
за грош насверлят дыр в озоне.
Что нерестовая река
заилится и обмелеет,
никто из них не пожалеет,
не дрогнет крепкая рука.
На разграбленье и поток
они поставили б все разом,
но рухнул мост через приток
под перегруженным КАМАЗом.
С вершины древней истукан
сто лет следит за здешним лесом.
То дух тайги - седой Бурхан

путь преградил безумным бесам.
2001

Крыши - ветхие переплеты
старых книг - деревянных домов.
Здесь всего-то десяток томов.
А над крышами птиц перелеты,
зимний холод, тугие ветра,
в летний полдень густая жара,
пелена непроглядных дождей...
Не хватает здесь только людей.
Через крыши пробились деревья.
И в кустах утонули дворы.
И полвека прошло с той поры,
как покинута эта деревня...
Но со временем не утекло,
сохранилось живое тепло
в старых балках и стенах домов.
В этой повести в десять томов.
2002

СОЛДАТ

Он скромный, безобидный псих
в армейской форменной фуражке,
в защитной выцветшей рубашке.
Он днем необычайно тих –
неясный силуэт в окне.
А ночью бредит о войне.
Так каждой ночью злой и страшной
хрип в горле в схватке рукопашной.
И снова рвется в бой солдат
туда, где взрывом был контужен.
Звучит в ночи отборный мат.
Бой кончился. Очнись, солдат.
Ты больше на войне не нужен...
Но в бесконечном повторении,
в его безумном измерении
погибший друг и дом в огне,
и нет конца его войне.
2002

Двор постепенно превращался в пруд
июльские дожди прилежно лили,
хотя давно с лихою остудили
короткую июньскую жару.
И остывала от дождей земля –
никто не вспомнит, когда было сухо.
И в городе не насорили пухом,
промокшие до нитки, тополя.
Но у набухшей от дождей реки,
под звук упавших на воду горошин,
мне думалось все больше о хорошем
и не было причины для тоски.
Я слушал шум закрытого огня,
вдыхая запах догоревшей свечки.
И, словно бы сгорая в жаркой печке,
творились беды, все не у меня.
2001

БАЙКАЛЬСКИЙ ЛЕД

Будь осторожен даже в январе.
Хоть царствуют сибирские морозы
и стужа нестерпима на заре –
байкальский лед таит в себе угрозы.
Надежен он вдали от берегов,
у берега опасен и коварен,
и ловит нерадивых рыбаков
в ловушки в виде трещин и пропарин.
Беспечность на Байкале - смертный грех.
Случалось, даже в лютую погоду
лед треснет, как расколотый орех –
машина на глазах уйдет под воду.
Блажен рыбак, который трезв с утра.
Хмельным байкальский лед готовит горе.
Молите же апостола Петра
дать им ума не выезжать на море.
2002

О РЫБАКЕ ВИКТОРЕ

В корму - «култук», а в борт - «горняк».

Я побледнел, но улыбался -
не может показать моряк,
что, как мальчишка, испугался.
Дном, ударяя по волне,
стрелой летела наша лодка.
Еще порыв - и мы на дне.
И это представлял я четко.
Но Виктор, заложив вираж,
от ветра спрятался за мысом,
и в бухту, где был лагерь наш,
бот проскользнул проворным лисом.
Кто на Байкале с детских лет,
у тех совсем иная норма –
не то, чтоб испугаться - нет!
Он просто не заметил шторма.
2000

ГЕРОЙ ДНЯ

Поддувает ветерок.
Я на льду совсем продрог.
Лед метровый.
Клев хреновый.
Только я не одинок.
Рядом группа рыбаков –
добровольных батраков.
Ветер вовсе не помеха
для сибирских мужиков.
Стылой зимнею порой
не всегда улов горой –
кто поймал хотя бы рыбку –
на сегодня тот герой.
Злился ветер, солнце жгло.
Час за часом время шло.
Пробурил с десятков лунок,
наконец-то повезло!
Покачнулся сторожок,
я размашисто подсек,
на байкальском льду трепещет
пучеглазый окуnek.
2002

ОЯМА

...мы будем следовать
нашим Богам и Будде,
и никогда не забудем
истинную добродетель
скромности.
(Из клятвы бойцов Киокушин каратэ)
Гора, увенчанная снегом –
есть имя, память и мечта.
Останется под чистым небом
непревзойденной высота.
Полет души крылатой вечен.
На белой скатерти снегов
путь к высшей истине отмечен
его рукой - рукой Богов.
Он сам - явление природы
в своей заоблачной дали.
И, как религию, народы
его искусство обрели.
Неповторимость достижений –
вот символ имени в веках!
Он миллионом продолжений
живет в своих учениках.
2001

Как много очень сильных на словах,
в удачных ракурсах придуманной рекламы.
Но им внушает суеверный страх
дух воина - бессмертный дух Оямы.
Реальны пот и кровь, реален бой.
Нельзя любить или дышать условно.
Нам предначертан этот путь с тобой –
мы следуем ему беспрекословно!
Не выявить сильнейшего бойца,
лишь бестолково воздух сотрясая.
Нас научил сражаться до конца
путь воина - бессмертный путь Сосая.
Не всем дано взойти на пьедестал.
Но все стремились взять свою вершину.
За то, что нас сплотил и воспитал,
мы навсегда верны Киокушину.

2001

СТАРИК

Он не сдался болезням, не умер от ран
и не проклял забывший о нем новый век.
Со спокойным достоинством жил ветеран-
так, наверно, и должен прожить человек.
Его старость теперь никому не нужна.
Его горькая память уже не важна.
Подвиг их поколения нам не пример.
Он не вождь, не пророк – просто пенсионер.
Никогда не искал, кто во всем виноват.
На судьбу не роптал этот старый солдат.
Жизнь его не щадила и смерть не страшит –
приготовлены деньги, костюм давно сшит...
Но не кличет кончину - живет, как и жил.
С негибаемой волей и крепостью жил,
что невзгоды и годы сломать не смогли.
Мудрый, стойкий, достойный -
соль русской земли. 2002

ЗИМА

Ты не услышишь голос мой –
здесь замерзают даже звуки.
Но испытание зимой
созвучно голосу разлуки.
Я слишком поздно поняла,
смирясь с молчащим телефоном,
что сохранение тепла
не стало для тебя законом.
Казалось бы - такая малость –
всего лишь теплые слова.
Но слов, наверно, не осталось.
И может быть, зима права.
И стужа властвует над нами.
И ей мы покорились сами.
Не сможешь ты меня согреть.
Душа твоя давно остыла –
в ней больше нечему гореть.
Любви твоей мне не хватило.
Ее ты щедро раздарил,

когда беспечен был и молод
и те слова, что говорил,
мне приносили только холод.
2001

ЗАМКНУТЫЙ КРУГ

Одни сгорали от любви,
другие ненависти полны,
упруго растекались волны
разбушевавшейся крови.
Ни свежих мыслей, ни людей...
Вот драма замкнутого круга!
Они шокируют друг друга
обратной стороной ролей.
Те, кто любил - возненавидел.
Ты даже не успел понять,
кого нечаянно обидел.
И только на себя пенять -
не распознал, кто враг, кто друг,
и не тобой очерчен круг.
1998

зимний дождь

Ты проснулась от шума дождя
и не веришь - зима на дворе.
Видишь капли, к окну подойдя –
редкий случай в Москве в январе.
Он неожиданный, ненужный совсем.
Вот такой новогодний сюрприз.
Невпопад. Досаждающий всем
неприятный природный каприз.
Бьются капли в ночное окно,
шум дождя - надоедливый фон.
Безнадежно молчит телефон.
Не уснешь - будешь ждать все равно.
Хоть и знаешь - никто не придет.
И вода превращается в лед.
И созвучна дождю твоя грусть.
Дождь в Москве в январе?.. Ну и пусть!
1999

Она его, как книгу, прочитала.
Внимательно, всю до последних строк.
Она безумно от него устала.
Он этого понять никак не мог.
А, впрочем, объяснять ему без толку.
Быть рядом у нее нет больше сил.
И ляжет книга до поры на полку,
хоть он ее перечитать просил.
«Прости. Потом. Все это очень сложно...»,
чуть раздражаясь, начала она,
их отношения истолковал он ложно,
и в том частично есть ее вина.
Закрыла дверь. Вздохнула с облегченьем.
И не загадывала вовсе наперед –
вполне довольна принятым решением.
Но время шло - настал его черед.
Причалить к тихой гавани решила.
Исколесив однажды белый свет,
она в библиотеку поспешила –
но нужной книги там, в помине нет.
1999

НОСТАЛЬГИЯ

Великий праздник - годовщина Октября!
В студенческой колонне демонстрантов,
по сотке разливали втихаря,
прикрывшись кумачами транспарантов.
И сколько было этих самых соток,
пока мы добирались до трибун!
«Ура!» рвалось из спиртоносных глоток
в ответ на все, что оглашал трибун.
Хоть в ноябре не балует погода,
нам было жарко к площади идти.
Осознавалось единение народа
на предначертанном, единственном пути.
Великий праздник общего психоза,
безмерной радости и гордости людской.
Смесь крика, пьянки, ветра и мороза
я вспоминаю с искренней тоской.
Мы были молоды и миром МЫ владели.
И не поделены на касты и слои,

тогда друг другу были МЫ свои.
А кто же МЫ теперь на самом деле?
1998

РЕВАНШ

Ты подошел ко мне. Я улыбнулась.
Мы говорили о каких-то пустяках.
Потом я, извинившись, отвернулась,
Пытаясь, дрожь унять в руках.
Окликнула кого-то, поспешила уйти.
Ты что-то вслед спросил.
Я все давно и окончательно решила,
не думая, что это выше сил.
Я так ждала, желая одержимо,
чтоб ты однажды в дверь мне постучал,
но равнодушно проходил ты мимо
и, кажется, меня не замечал.
Ко мне ты относился несерьезно,
все, объясняя разницею лет.
Когда прозрел, то было слишком поздно
моя любовь - в один конец билет.
Депрессия, бессонница и слезы.
По этому пути прошла одна.
На холоде не расцветают розы.
За все уже заплачена цена.
Дай Бог тебе любви - безмерной муки.
Пройди и ты кромешный этот путь.
Но почему, же так дрожали руки...
И снова мне сегодня не уснуть.
1999

МЕСТЬ

Он хотел умереть у нее на глазах.
Представлял ее бледной, несчастной, в слезах.
Накипело, теперь невозможно простить.
И одна только мысль - наказать, отомстить.
Усмехнулся и зло посмотрел ей вслед.
Расстегнул кобуру и достал пистолет.
Он решил. Покрепче ствол к сердцу прижал.

На мгновенье расслабился, вдох задержал,
взвел курок, очень плавно нажал на крючок...
но услышал не выстрел, а хлесткий щелчок!
Отдышавшись с трудом, наконец, понял он -
поспешил - впопыхах в ствол не дослан патрон.
И, сжимая в руке вороненый металл,
он до слез, как больной, над собой хохотал.
«Драма вылилась в фарс! Что ж, закончим игру».
Положив пистолет, застегнул кобуру.
1999

САРМА

В облаках над Сармой,
возле кромки самой,
непричалившим лодкам на горе
зарождается шквал
и, сорвавшись со скал,
разогнавшись, уносится в море.
Не сойти бы с ума,
как завоюет Сарма -
в воле ветра и смерть, и спасенье.
Ледяная волна,
сотни метров до дна -
дерзким в море не будет прощенья.
Хочешь - крепче держись.
Хочешь - богу молись,
проклиная себя за беспечность.
Здесь Байкал суд вершит.
Только море решит -
или к берегу, или же в вечность.
Сколько смелых людей,
сколько крепких людей
не вернулось из бурной стихии!
В белых гребнях валы
беспощадны и злы,
и к мольбам, и к проклятьям глухие.
1995

ПЕРЕД ГРОЗОЙ

Перед грозой сердцу тесно в груди.

Кажется, воздух лишен кислорода –
нечем дышать. Может, жизнь позади?
К слабым не знает пощады природа!
Но задрожал жестяной козырек –
капли дождя в барабан застучали.
И не сбылось то, что прежде предрек.
И похоронные марши молчали.
Легче дышать. Сердце бьется ровней.
Завтра умоюсь прохладной росой.
Боже, прости! Рано думать о ней –
бледной старухе с тупою косою.
1999

МЫСЛИ ВСЛУХ

Два человека встретились случайно -
привычный и обыденный сюжет.
У каждого своя судьба и тайна
и прошлого тяжелый горький след.
И оба недовольные собой.
И оба с исковерканной судьбой.
Война проиграна, подсчитаны потери.
Он одинок, она теперь одна.
Вдруг счастье им приоткрывает двери?
Какая счастью этому цена?
Их опыт убеждал не торопиться –
они боялись снова ошибиться.
Но снежный ком взаимных откровений!
Их невозможно было удержать.
И ночь вместилась в несколько мгновений –
от прошлого никак не убежать.
От боли и обид освобождение
не близость принесло, а отчуждение.
Была возможность все начать сначала.
Зачем делиться повестью своей?
И почему она не промолчала,
а он не подождал до лучших дней?
Порыв души так дорого им стоил –
не разделил потери, а удвоил.
1999

ИЛЛЮЗИЯ

Спокоен взгляд у бронзового бога.
В сени деревьев скрыт от глаз аршан.
Ты, зачерпни из родника немного,
испей, и успокоится душа.
Поймет тебя отшельник здешний - Будда –
бурятский бог, он, впрочем, щедр для всех.
Он беспрестанно совершает чудо.
И, может быть, простит любой твой грех.
Омой глаза - и сразу ты прозреешь.
Омой лицо - и обретешь покой.
Но вряд ли сохранить его сумеешь –
родник не твой, и лес не твой, и бог не твой...
Мы - мистики различных стран и наций,
в смятенье доживаем до седин.
А, может быть, при массе вариаций
и мир един, и бог у всех один?
1995

ЛЕБЕДИ

Лебеди белые,
вольные птицы,
мчитесь вы, смелые,
через границы.
Силою ветра
к солнцу приближены.
Любите щедро.
Красой не обижены.
Но, быстрокрылые
в легком полете,
что же, вы, милые,
грустно поете?
Не обещаете
даже прощения.
Не предвещаете
мне возвращения.
Или все снится –
понять не могу –
белые птицы на белом снегу.
Зима 1993, Керчь

РЕЦЕНЗИЯ

Выслушал я смертный приговор
стоя, почти мужество утратив:
«Пишите, вы, сударь, всякий вздор:
может, хватит vsуе время тратить?
С, вашим, рылом да в калашный ряд?
Без души написано и сыро.
Бросьте все в огонь, вам, говорят –
Вам, нужна мотыга, а не лира».
И побрел я, пережив позор,
в ближний лес, набрал сухих валежин,
исполняя строгий приговор,
разводил костер, и был прилежен.
Бросил в пламя толстую тетрадь,
плюнул на бумагу тpоекpатно...
А стихи ж сырые - не горят.
Вынул и понес тетрадь обратно.

О ВРЕМЕНИ

Время летит так быстро –
не уследить за ним.
Вновь облетели листья
и превратились в дым.
Запах разносит ветер
осени и костров,
и никому на свете
вовсе не нужно слов
объяснять природное явление –
осень повторилась как всегда.
И зимы обычно приближенье,
остывает звонкая вода.
Впрочем, как всегда.
Вслед улетевшим птицам
снег сыплют облака.
И подо льдом ютиться
будет зимой река.
В долгие ночи выюга
петь станет у окна.
Но неизбежно с юга
к нам прилетит весна:

это же обычное явление,
лед сойдет с проснувшейся реки,
и набухших почек появление,
на березе клейкие листки –
первые ростки.
Лето букет вплетает
в калейдоскоп времен.
Но и оно растает,
и покраснеет клен.
Все означает это –
птицам пора на юг.
Кончилось бабье лето.
Вот и замкнулся круг.
Год прошел - обычное явление.
Только начинаешь замечать
на лице морщинок появление –
это годы стала отмечать
времени печать.

КАБАЦКАЯ

Свежесть утра меня молодит.
Свежий ветер мне грудь холодит.
Жаль, вот голос с похмелья хрипит.
Я намедни и пьян был и сыт.
На последние, братцы, гулял
и тоску я вином заливал.
И за что меня бог покарал –
в одночасье я все потерял.

Эх, не сеешь, не жнешь,
что однажды найдешь -
не поймешь
или мимо пройдешь.
Я ее не хранил,
на бегу обронил.
Воротиться же не было сил.

От сумы и тюрьмы не бежал,
и себя я, как мог, ублажал.
Славы, денег, увы, не стяжал.
И последнее не удержал...
Не успел ей в глаза посмотреть.

Не сумел рядом с ней помереть.
Без меня ей позволил сгореть.
Без любви обречен я, стареть.

Он опутал меня сетью легкой,
одурманил словами горячими,
и увлек за собой в осень блеклую,
и я шла за ним, словно незрячая.
Но была для него осень поздней,
и любовь безнадежной, отчаянной,
разгорелась рябиновой гроздью
и угасла неожиданно, нечаянно.
В свое лето пришлось возвратиться мне,
где листва распускается молодо,
но остыла душа, как в болезненном сне,
опаленная мертвенным холодом.
И иду я по зимней аллее,
а рябина, как кровь на снегу,
прежней болью так ярко алеет...
Я оттаять уже не смогу.

ОТЕЛЬ «КАЛИФОРНИЯ» (под впечатлением песни)

Я околдован панелью приборов,
слегка подсвеченных изнутри.
Я покидаю взволнованный город,
тают вдали за спиной фонари.
Меня освежает ночная прохлада.
Там, впереди, неясная цель.
Поет пустынная автострада
тревожную песню про странный отель.
Я представлял это место воочию,
но не хватило короткого дня,
и вот безлунной, кромешною ночью
еду к мерцающим всплескам огня.
Она открывает медленно двери,
тонкой рукою меня помяна,
и я вхожу вслед за ней - я ей верю.
Кто-то приветствует тихо меня.

Я прохожу вслед за ней: будь что будет!
Двор обступает таинственный лес.
Рядом танцуют какие-то люди,
здесь припаркован ее «мерседес».
Пот струится по лицам ручьями.
Я что-то запомнил, что-то забыл.
Она называет нас друзьями...
А, может быть, всех, кто когда-то здесь был.
Я попросил, к портье наклоняясь,
подать мне розовое вино.
Он подал бокал и сказал, улыбаясь:
«Такого веселья не помню давно».
На потолке зеркала отражали
Бледные тени танцующих тел.
Сотни свечей в зеркалах дрожали –
да, это то, чего я хотел!
Здесь собираются души заблудших.
Каждый волен сюда войти.
Отель «Калифорния» - места нет лучше,
только обратно уже не уйти.

Хрупкий образ - тонкое стекло.
Я к нему протягиваю руки.
Время между пальцев протекло
прочь под бой часов и сердца стуки.
Терпкий запах красного вина,
вспыхнувший рубин в твоём бокале,
и вина, испитая до дна,
и веселый шут на карнавале –
все мое. Держу. Люблю. Храню.
Дорожу судьбой такую схожей.
Как змея, я кожу не сменю,
ведь душа пульсирует под кожей.

Не рухнули грузные стены домов,
не вышла река из своих берегов,
и лето спокойно дышало.
Беспечен и весел был смех детворы,
назойливо липли к лицу комары,

и хлопали двери вокзала.
Он, молча, в толпе на перроне стоял.
Уже пережито все, что потерял,
невесело просто, не боле.
Осталось все в прошлом, скорее забыть,
и нужно поверить - предел должен быть
в груди утихающей боли.
Был внешне обыденным, без перемен,
мир, видевший столько потерь и измен.
Колеса о стыки стучали.
Еще было время простить и понять.
Еще было время о многом сказать,
но оба они промолчали.

Запотевшие окна остудит мороз,
лишь видны очертанья заснеженных сосен.
Лепестки облетают с рождественских роз,
я опять вспоминаю прошедшую осень.
Дней сентябрьских тепло постучалось в стекло,
и растаяли льдинки седые.
Дай лее Бог, чтоб еще нам, хоть раз повезло,
повезло бы, пока молодые.
Я усну, догорит, оплывая, свеча.
Бесконечное время замрет на мгновенье.
Меня память умчит на осенний причал.
Успокоятся нервы, и схлынут сомненья.

ЯХТА

Вас пугает грохот шторма?
Оставайтесь на земле!
А для нас так это - норма
на летучем корабле.
Яхта не боится крена,
над волной взлетает пена,
волны хлопают о борт,
за кормой растаял порт!

Мы выбирали море сами,
и потому, браток, держись!
Полетит под парусами
кочевая наша жизнь.

Что для моря наша яхта?
Так, игрушка для волны!
Бесконечно длится вахта.
Руки смуглые сильны.
Вздулись вены от работы,
обжигают кожу шкоты,
хлещет шторм в лицо дождем,
но мы в порт родной придем.

Мы морское ладим дело
по-хозяйски, не спеша.
Крепче мачты станет тело,
но нежней волны душа.
Пусть от ветра мачты гнутся,
все равно должны вернуться.
Обмануть я не могу
тех, кто ждет на берегу.

ПОЛЕТ

«Не пытайся лететь - крылья так тяжелы -
их не выдержат хрупкие косточки рук.
Камнем ты упадешь с высоченной скалы.
Не взлетишь, разобьешься о камни...» «А вдруг!»
«Видишь, ветер какой! - Птиц срывает с небес.
Говорю как единственный, преданный друг –
это правит тобою вселившийся бес.
Помолись, отступи. Ты погибнешь!» «А вдруг!
Я летаю во сне - это вещие сны.
Видишь - крылья крепки, мои руки сильны.
Я сумею. Я верю - сейчас полечу!»
«Ты погибнешь!..» «И слышать о том не хочу!»
Он летел. Ветер крылья сложил за спиной.
Со скалы он сумел долететь до земли.
И смертельной покрылись глаза пеленой.
Бесполезные крылья лежали в пыли.

СТАРЫЕ ТЕТРАДИ

Ты не проси меня, не обещай.
Осенью поздней не вернется май.

Белой березою стоишь у реки.
Любишь ты ландыши, а я - васильки.
Как молоко, туман над речкой вставал.
Белой березою я тебя звал.
Как это вышло вдруг? – Из рощи берез
я лишь тебя одну жалел и берег.
Ветер ласкает плечи твои.
Не о любви нам поют соловьи.
Может, и мог бы я обман твой простить,
да только ландышей мне не любить.
1976

дождик
Дождик, дождик, дождик, дождик, лей!
Вод своих прозрачных не жалей!
Свежей влагой землю напои,
ей отдай сокровища свои.
И сквозь поток
вырастает маленький цветок.
Солнцу он рад -
не найти тебе милей наград.
На заре веселая пчела –
желтая жужжащая стрела,
сядет на раскрывшийся цветок,
соберет с него медовый сок.
Ранней порой
наполняет свежих сотов строй.
И сладкий мед
пасечник к обеду соберет.
В бочку, как янтарь, блестящий мед
он, удаче радуясь, сольет.
И, не зная ждущих его бед,
пригласит студентов на обед.
Ложки стучат -
бочку меда съесть для нас пустяк!
Плохи дела?
Нет! Принесет ему еще пчела!
1977

ВЕЧЕРНИЙ РЕЙС

Вот прожит самый тягостный из дней.
И все, что было близко и знакомо,

исчезло в быстром росчерке огней –
посадочных значков аэродрома.
И, оказавшись в небе сонном,
исчезнув в сизой мгле,
я пожелал себе не помнить
о том, что было на земле.
Не стану придавать словам значения,
ни в чем нелепый случай не вина.
Пусть было мимолетным увлечение,
для Вас, ошибкой, но не для меня.
И хоть я не смогу забыть об этом,
свободны Вы теперь.
Я не напому, Вам, что было летом,
не постучусь я в, Вашу, дверь.
Пусть успокоит мерный гул полета.
Минуя часовые пояса,
забуду, как за час до взлета,
я видел холод равнодушного лица.
И, оказавшись в небе сонном,
исчезнув в сизой мгле,
я приказал себе не помнить
о том, что было на земле.
1978

Законы мы не выбирали –
они написаны давно.
Вверх забираясь по спирали,
должны вернуться все равно.
Вернуться к опыту былому.
Забрать все лучшее с собой.
По этому закону злому
должны мы встретиться с тобой.
Зачем? Все лучшее сгорело
и опыт неудачным был.
Боль от потерь переболела.
Свои обиды я забыл.
Но вдруг судьба неумолимо
решит нас встречей наказать...
Тогда пройду я, молча мимо –
мне нечего тебе сказать.
1983

ЖЕЛАЮ УДАЧИ

Я отцарствовал и отработствовал.
Я желаю, Вам, долго здравствовать.
Быть веселою и беспечною
и не быть к нему бессердечною.
Быть расчетливой и спокойною.
Вы, поставили цель достойную,
но достичь - ее дело случая.
Так ловите ж миг, душу мучая.
Эта цель порой стоит крови нам.
И неладно жизнь наша скроена.
Сшита наскоро и с поспешностью.
Увлекаемся часто внешностью.
Ах, как хочется разом все решить.
И приходится очень, Вам, спешить.
Все рубить сплеча и играть с огнем.
Так не дай, Вам, Бог ошибиться в нем.
1986

Любовь ушла, как почва под ногами.
Немного покружилась голова.
И вот уже простерлась между нами
стена, а в ней не камни, а слова.
Громада слов - обрывки фраз, намеки,
обиды, колкости и грубости подчас.
Их цементируют сомненья и упреки
и навсегда разъединяют нас.
Не докричишься - голоса не слышно.
И только верхним слоем на стене
на почве сплетен расцветает пышно
все, сказанное о тебе и обо мне.

ОСЕННИЙ СНЕГ

Я благодарен, первый снег,
за то, что надо мной витаешь,
и на моей ладони таешь,
и у тебя недолгий век.
Я благодарен, первый снег,
за то, что ты меня не судишь

и голову мою остудишь,
и снимешь боль с тяжелых век.
Я благодарен, первый снег,
за то, что многое напомнил
и воздух свежестью наполнил.
А я - усталый человек
снежинки легкие вдыхаю,
негромко о своем вздыхаю.
А рядом в тихие дома
стучится долгая зима.

КОСТЕР НА ВЕТРУ

Пока не отгорит костер,
пока не отзвенит струна,
пусть наш последний разговор
меня лишает сна.
Ведь скоро за лесами
исчезнет лета свет,
и грустными глазами
ему глядим мы вслед.
А вместе с летом ты уйдешь.
Исчезнешь просто поутру.
Костер зальет осенний дождь.
Я зябну на шальном ветру.
Нас больше не согреет
костер на берегу.
Огнем рябина рдеет,
укутавшись в снегу.
Да и чего нам было ждать?
Увы, случаен наш причал.
Ты не сумела все сказать,
в ответ я просто промолчал.
Я не жалею лето –
оно придет опять.
На мой вопрос ответа
уже недолго ждать.
1979

ДЕТСКИЕ СТИШКИ

ПРО ЗАЙЦА

Зимним вечером «косой»
скачет по полю босой.
У него не мерзнут пятки –
заяц мчится без оглядки.
И рисует на бегу
он узоры на снегу.

КОРМУШКА

В городе зимуют птицы –
свиристели и синицы,
снегири и воробьи –
все они друзья мои.
Жалко их - зимой холодной
жизнь становится голодной.
Ни козьявок нет, ни мошек.
Не отыщешь даже крошек.
Я коробку от игрушки
приспособил для кормушки.
Сыплю просо и пшено
и отборное зерно.
Прилетайте! Как смогу,
зимовать вам помогу.

ПРО ЩУКУ

В глубине зевает щука –
в заводи такая скука.
Под корягою у дна
дремлет целый день одна.
Вдруг ей стало не до сна –
потревожила блесна!
Щука думает: «Сорожка,
поиграю с ней немножко,
а потом и проглочу –
очень кушать я хочу».
Караси, плотва, ельцы
весть несут во все концы:
изловили из реки
злую щуку рыбаки!
Можно в заводь возвращаться,

больше некого бояться.

ПРО МУРАВЬЯ

Муравей несет бревно.
Ох, большущее оно!
Тяжело ему, наверно,
но он тащит все равно.
Рассмеялся паучок:
не бревно - всего сучок!
Муравей несет поклажу
и в ответ ему — молчок.
Если б глупый паучок
взвесил маленький сучок,
муравья бы тоже взвесил,
а потом подвел итог:
вышло б, что бревно как раз
тяжелее в десять раз!
Муравей слона сильнее -
это правда, без прикрас!

ПРО БОЛОТО

Стоят в болоте цапли,
похожи как две капли.
На отмели рыбачат,
про кулика судачат.
И как тому охота
хвалить свое болото?
Подумаешь - трясина
да посреди осина.
А здесь повсюду лилии,
и рыбы в изобилии,
и камыши, и кочки,
по берегам цветочки!
Что спорить зря - ведь краше
как раз болото наше!

ПРО КАНАРЕЙКУ

Посредине клетки рейка,
а на рейке - канарейка.
Только птичка не поет –
возле клетки дремлет кот.

Нет, он жмурится для вида!
И берет кота обида –
не достать ему соседку –
не пролазит лапа в клетку!

ПРО ПОПУГАЯ

Мой попугай грустит.
Нахохлившись, сидит.
С утра совсем не ел
и на меня шипел.
Зеленый попугай,
меня ты не пугай!
Как змейка, не шипи,
как дверка, не скрипи,
а лучше мне в ответ
скажи: «Дружок, привет!»
Чирикай и свисти
и больше не грусти.

ПРО ЛОШАДКУ

Мостик вздрагивает шатко,
прогибается, скрипит –
там по мостику лошадка
рысью легкою бежит.
Позади у ней тележка.
На тележке две копны.
На одной копне Олежка
видит радужные сны.
Он посапывает тонко,
вожжи выпали из рук.
Бьют копыта землю звонко,
и дорогу знает друг.
Мерно встряхивает гривой,
хлещет по бокам хвостом.
Полусонно и лениво
речка катит под мостом.
День вечерней зорькой тает.
Спит возница на возу.
Дома бабушка мечтает
сеном накормить козу.
Обгнав попутно речку,

лошадь стала у крыльца.
Унесли домой на печку
с воза спящего мальчика.
Потрудился он на славу –
ехать очень нелегко!
И наградю по праву
будет козье молоко.

ПРО КОТА

В джунглях, возле секретера,
два зеленых огонька –
притаилась там пантера
для внезапного прыжка.
А на кухне, возле мойки,
там, где водопад шумит,
замер в неподвижной стойке
наш отважный следопыт.
Митя вдоль стены крадется.
За окошком темнота.
Отыскать не удается
в темной комнате кота.
Не расстроился охотник –
скоро сам к нему придет
этот длиннохвостый шкодник,
страшный хищник - черный кот.

ПРО ГЛУПУЮ ЛЯГУШКУ

На болоте у опушки
вновь охотничья пора –
пучеглазая квакушка
изловила комара.
Громко квакает лягушка,
всем похвастаться спешит,
нет, чтобы шепнуть на ушко,
да обратно в камыши.
Раздувает она щеки
и старательно поет.
А у берега в осоке
длинноногий аист ждет.
Подошел совсем он близко,
длинный клюв свой опустил

и зеленую солистку
очень ловко проглотил.

КОШКИ-МЫШКИ

Мышка с длинным хвостиком
спряталась под мостиком,
потому что кот опять
вышел в прятки поиграть.
Он искал ее на крыше,
где порой гуляют мыши.
Он искал ее в подвале,
только там она едва ли.
У малышки все в порядке –
хорошо играет в прятки.
Даже старый хитрый кот
эту мышку не найдет!

ПРО РЫСЬ

Красотой своей в лесу
я могу затмить лису.
Как к моей пятнистой шубке
коготки идут и зубки,
бакенбарды на щеках,
пара кистей на ушах!
Говорят все, что я - кошка.
Может быть, но лишь немножко.
Кто же скажет кошке «брысь!»,
если кошка эта - рысь?!

ПРО БЕЛОЧКУ-ЛЕТЯГУ

Похвалялся бурундук,
что он самый ловкий,
что на самый верхний сук
влезет без страховки.
«И береза мне по силам,
и осина тоже!»
Тут-то белочка спросила:
«А летать ты можешь?»

С елки спрыгнула и смело
на сосну перелетела.
Удивился бурундук –
стала белка птичкой вдруг!
Белкам этим шубки
шьют шириною с парашют.
Ну, а раз они летают –
их «летягами» зовут.

ПРО ГУСЕНИЦУ

Полосатая, прожорливая, толстая,
по деревьям и кустам все время ползая,
поела беспрерывно зелень сочную
и случайно перегрызла ветку прочную.
Вниз свалилась бы, да дятел ее клюнул.
Не понравилась, он гусеницу сплюнул.
И она со страху ползать перестала,
прилепилась к ветке, куколкою стала.
Так висела, даже не пошевелилась,
пока бабочка на свет не появилась.
Только куколку засохшую оставила,
сразу крылышки красивые расправила.
Тот же дятел в симпатичной красной шапочке
улыбнулся, подмигнул красивой бабочке.
Вовсе гордая на дятла не взглянула,
на луга к цветам душистым упорхнула.
Так у гусениц нередко получается –
станет бабочкой, характер поменяется.

ПРО ПЧЕЛУ

У пчелы с утра дела –
собирает мед пчела.
То летит она на юг,
где зарос цветами луг,
то спешит она на север,
где в полях посеян клевер.
Потому что знает точно –
там припрятан мед цветочный.
Соберет нектар и пулей
полетит с добычей в улей.
У нее полно работы –

наполняет медом соты.
На закате в дом под елку
позовут подружки пчелку,
а лишь солнышко взойдет –
снова ей пора в полет.
Как пчела не устает
собирать все лето мед?

СКОРОГОВОРКА

Рано утром свиристели
на рябину прилетели.
На ветвях у ягод сели
и запели, как свирели.
Посвистели свиристели,
с гроздьев ягоды поели,
песню звонкую допели
и с рябины улетели.

ПРО МУХОМОР

Мы пошли с сестрою в бор
и сорвали мухомор.
Вот такой красивой шляпки
не встречали до сих пор.
И находку мы несем
прямо бабушке вдвоем –
пусть скорее нас похвалит –
мы еще потом найдем.
Несмотря на яркий вид,
мухомор-то - ядовит!
Смотрит бабушка в окошко,
строго пальцем нам грозит.
Потому что надо знать,
как грибы распознавать.
Мухоморы и поганки
по ошибке не срывать.

ПРО БОБРА

У строителя бобра
зубы вместо топора.
У ручья срубил осину –
ремонтирует плотину.
Рядом хатка у бобра –

над водой ветвей гора.
В ней жильё его - нора
и запас еды - кора.
У строителя запруд
за плотиной целый пруд!
Бревна по воде сплавляет,
летом хатку подновляет.
А зимою подо льдом –
у семейства тёплый дом.
В стужу плавать без помех
помогает толстый мех.
Не страшны враги бобру –
под водою вход в нору.
Строит дом на свой манер бобр –
звериный инженер.
И в пруду он круглый год
припеваючи живёт.-